

ДМИТРИЙ АККЕРМАН

КАЦЕТНИЦА

Дмитрий Аккерман

Кацетница

«Издательские решения»

Аккерман Д.

Кацетница / Д. Аккерман — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-837056-4

Далеко не все исторические события можно четко разделить на черные и белые, на хорошие и плохие. Еще сложнее разобраться в них ребенку, волею судьбы попавшему в гущу самых трагичных событий XX века. Роман «Кацетница» — рассказ о простой девочке, которая прошла через боль, страх и ненависть и выжила, несмотря ни на что. Сюжет основан на реальных событиях.

ISBN 978-5-44-837056-4

© Аккерман Д.
© Издательские решения

Содержание

Пролог. 1962	6
Глава 1. 1939	12
Глава 2. 1939	15
Глава 3. 1940	20
Глава 4. 1940	23
Глава 5. 1940	30
Глава 6. 1940	35
Глава 7. 1940	41
Глава 8. 1940	47
Глава 9. 1941	52
Глава 10. 1941	56
Глава 11. 1941	61
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Кацетница

Дмитрий Аккерман

© Дмитрий Аккерман, 2017

© Наталья Шапарова, дизайн обложки, 2017

ISBN 978-5-4483-7056-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог. 1962

Этот маленький сибирский городок, который запомнился мне потом на всю жизнь, казался сначала совершенно невзрачным и даже унылым. Что, впрочем, было и немудрено. Намного позже я понял, что попал в него в самое неприятное для Сибири время: в середине ноября.

Но это было потом – а пока что я пробирался к заводу пешком через сугробы и завывание выюги. Молодой и, как мне казалось, перспективный молодой специалист, я был командирован в этот глухой край внедрять нашу драгоценную установку для органического синтеза. По всему выходило, что застрял я тут надолго: установка работала нестабильно даже в условиях опытного завода, что уж там говорить о реальном производстве с неизменным для соцреализма бардаком.

Сказать откровенно, поехал в Сибирь я охотно – энтузиазм великих строек еще не прошел, Братская ГЭС была у всех на слуху, на московских кухнях рассказывали о бешеных деньгах и странных сибирских обычаях. Все это накладывалось на общий энтузиазм по поводу полетов в космос и смены генсека. Мне казалось, что я еду в какой-то чудесный вечнозеленый край, населенный прекрасными людьми и являющийся настоящей дорогой в будущее.

Разочарование наступило довольно быстро – прямо с небольшого холодного деревянного вокзала чуть ли не столетней давности постройки. Скрипучий холодный трамвай – встречать меня на вокзале никто и не подумал – медленно тащился за город, где в окружении пожелтевших от химии сосен стоял комбинат.

Правда, с людьми действительно повезло. Простодушные, открытые, прямые, они действительно отличались от москвичей. В первый же день в общежитии, куда меня поселили, в мою честь устроили пирушку с сибирскими пельменями, водкой и песнями, наутро после которой голова была непривычно прозрачной, но легкой.

Со своим московским самомнением я предполагал, что буду сидеть в отдельном кабинете рядом с директорским, и снисходительно распоряжаться местными инженерами, неумело запускающими нашу железку. Однако директора я увидел только раз – когда зашел представиться. Здоровый весельчак габаритами втрое больше моих одобрительно похлопал меня по плечу, традиционно поинтересовался, как там Москва, после чего спровадил меня главному инженеру и, как я понимаю, больше ни разу не вспомнил о моем существовании. Для меня поставили стол рядом с установкой, прямо в цехе органического синтеза. Хотя сам цех был чистым, но воняло там всеми запахами, которые только мог придумать человек, и я вскоре стал всерьез подумывать о том, чтобы ходить на работу в противогазе.

Поселили меня, как я уже упоминал, в общежитии – правда, к счастью, не в рабочей, а в инженерской. Через некоторое время я понял, что мне крупно повезло – рабочую общагу еженедельно потрясали грандиозные пьянки и драки, а инженеры хотя и пьянствовали, но делали это скромно и тихо. Формально со мной в комнатке жил старший мастер, имени которого я так и не узнал. Вся общага звала его Виннету, и в комнате он появлялся в лучшем случае раз в неделю – отоспаться после очередной пьянки. Все остальное время он ошивался по всем местным молодухам, честно не делая различия между инженерным и рабочим общежитием, а заодно навещая и окружающий завод частный сектор.

С запуском установки тоже все было весьма далеко от моих мечтаний. В помощники мне дали балбеса-практиканта Вовку из местной фазанки, который только и знал, что курить, пялиться на ноги девчонок и мучительно зевать при любых моих попытках объяснить ему принцип действия установки. Остальным было некогда, лишь главный инженер иногда подходил ко мне, смотрел на разбросанную документацию, с сомнением хмыкал и снова исчезал на месяц.

Так все и тянулось... Дело шло к Новому году. И тут появилась Оксана.

В первый момент, увидев швабру у себя под ногами и подняв глаза, я просто ошалел. Единственное, что мне тогда пришло в голову – фраза Пушкина «я помню чудное мгновенье». Передо мной стояла женщина фантастической красоты. Идеальной формы европейское лицо, абсолютно гармоничная фигура, которую не скрывал легкий халатик. Короткие темные волосы с совершенно непривычной в эпоху завивок и шиньонов стрижкой. Черные глаза в пол-лица смотрели на меня скромно и выжидающе.

Все это настолько не сочеталось с арсеналом уборщицы у нее в руках, что я сначала принял это за какую-то шутку. Красивые длинные пальцы пианистки с хорошим, совершенно не советским маникюром изящно держали швабру. На запястье блестели мужские часы – не сомневаюсь, что в золотом корпусе. В разрезе халата виднелся черный крестик.

– Здрости, – я не нашел сказать ничего лучшего.

– Добрый день, – ее низкий голос был достоин оперной сцены и никак не сочетался с хрупкой фигурой. – Вы не будете так добры разрешить мне помыть пол?

– Да-да, конечно, – я отскочил от стола, не отрывая от нее зачарованных глаз. Некоторая неправильность в ее речи, какой-то легкий акцент, делали ее еще более романтической и загадочной. Она возила шваброй вокруг моего стола, а я истуканом стоял сзади, пожирая взглядом ее абсолютной формы ноги, спину с выступающим под халатом бюстгальтером, волосы, перехваченные косынкой. Я не понимал, откуда в этой сибирской глуши появилось это чудо и почему оно занимается мытьем полов, а не выступает где-нибудь на сцене...

Я не замечал Вовку, вернувшегося из курилки и похотливо взиравшего в разрез халатика Оксаны. Я как-то сразу перестал ощущать мерзкий запах цеха, которым пропиталась вся моя одежда. Я просто стоял и смотрел.

Сколько ей лет – об этом я задумался потом, когда она ушла. Я был небольшим знатоком женщин, хотя в институте имел пару романов с младшекурсницами и даже был изнасилован на одной студенческой вечеринке почтенной матроной, как после выяснилось, чиновницей районной администрации. Однако все это не помогло мне хоть чуть-чуть разбираться в этих загадочных существах – женщинах.

На вид Оксане было лет 28. А если смотреть только на красивые, ухоженные не по-советски руки – то даже меньше. Ни единой морщинки на лице, ни одного седого волоска, ровные красивые зубы в те редкие моменты, когда она улыбалась – все это резко контрастировало с фабричными женщинами, уже к тридцати годам отягощенными парой-тройкой детишек, мужем-пьяницей и вечными очередями.

Сначала я не понял, почему она не появлялась раньше. Конечно, в цехе все время кто-то убирался – но это были обычно тихие невидимые бабульки, которые мышками прошмыгивали со своими тряпкам и ведрами так, что их никто не замечал. Оксана явно была не новичком на заводе, уверенно передвигалась по цеху и знала в нем каждый уголок. Но я совершенно точно ни разу не видел ее за весь месяц, который провел за этим столом.

Бросалось в глаза какое-то странное отношение заводских к ней. Обычно редкая девушка могла пройти по цеху без подколок и подначек, а то и скабрзных шуточек молодых рабочих. При появлении Оксаны с ней даже никто не заговаривал, лишь некоторые женщины постарше иногда провожали ее какими-то сочувственными взглядами.

Мне смертельно хотелось узнать хоть что-нибудь о ней. Однако спрашивать у окружающих было неудобно – сразу стало бы понятно, что у меня к девушке особый интерес. Подняли бы на смех, дошло бы и до Оксаны – и я все испортил бы.

Выход нашелся сам собой. Как-то раз балбес Вовка, перехватив мой взгляд на Оксану, убирающуюся недалеко от нас, многозначительно округлил глаза и сказал:

– А ничего тетка. Симпатичная. Жалко только, алкоголичка.

– Как алкоголичка? – опешил я.

– Ну как-как, пьет, как последняя бичиха.

– Кто? Она?

– Ну да, Оксана. Это все знают. Месяц может пить, вообще из дома не выходит. Потом ничего, работает, пока опять не сорвется.

Я никак не мог поверить. Вот этот ангел во плоти, это воплощение неземной красоты, эта кроткая скромная девушка – алкоголичка?

– Вовка, ты с чего это взял?

– Да вы чего, весь цех об этом знает. Она сначала устроилась технологом, а потом раз запила, другой – ну и все, ей на выбор, или увольняйся, или в уборщицы.

– С ума сойти, – я схватился за голову, не сводя с Оксаны ошеломленного взгляда. Она подняла голову, взглянула на меня, покраснела и резко отвернулась.

– Вовка, а чего еще про нее говорят?

– Да не знаю, мне-то она до фени. Чокнутая, говорят, она какая-то. Но добрая. У меня как-то денег совсем не было, так она меня неделю кормила в столовке.

Домой я шел как в тумане. Впрочем, так оно и было. К концу декабря приморозило, даже местные ходили в шапках с опущенными ушами, а мне, в стареньком отцовом полушубке и модной московской папахе, было вообще тяжело. Но я не замечал мороза. Из головы не выходила картина – Оксана, пьяная, грязная... нет, я не мог в это поверить.

Около входа в общагу меня ждали. От дерева отделилась женская фигура в черной телогрейке. Это была Оксана.

Она двинулась мне навстречу, неуверенно глядя мне в глаза. Я остановился. Она подошла совсем близко, и я разглядел совершенно заиндевевшие веки.

– Я хочу сказать... – нерешительно начала она.

Я стоял и хлопал глазами, как полный дурак. Надо было пригласить ее хотя бы в комнату, напоить чаем, но у меня отнялся язык. Сколько раз я хотел подойти к ней и не решался, а тут, да еще после Вовкиных слов...

– Вы не думайте про меня плохо. Это все не так. Я... я..., – она опустила голову, затем резко отвернулась и быстро пошла прочь. Когда я очнулся, ее тоненькая фигурка уже скрылась за поворотом.

Наверное, надо было кинуться за ней, вернуть – но ситуация показалась мне настолько киношной, что я не решился. Однако решилась она.

Мы не могли не встречаться каждый день – она убиралась, я работал. И я не мог не видеть, что я ей не безразличен. Каждый раз, подходя к моей установке, она краснела, здоровалась и, страшно смущаясь, все время поглядывала на меня – и пока мыла у нас, и у соседей. Однако я никак не мог решиться с ней поговорить. Делать это на виду у всего цеха для меня было невозможно – нам обоим перемыли бы все косточки. А поймать ее после работы я никак не мог – сразу после гудка она исчезала. Вовка, заметив мой интерес к девушке, узнал, что живет она в квартире на другом конце города, у вокзала.

Иногда она задерживалась около меня подольше – когда рядом не было Вовки. Говорила ничего не значащие вещи, спрашивала о погоде, о том, нравится ли мне в Сибири. Но при всех моих попытках заговорить о ней тут же краснела и хваталась за швабру. Я даже не знал, замужем она или нет – хотя кольца на пальце, как и других украшений, на ней не было. Кроме красивейших золотых часов.

Так незаметно наступил Новый год. Тридцатого декабря начальство собрало всех в столовку, где были накрыты столы – пусть и с привычной столовской едой, но зато с яблоками и диковинными для сибиряков апельсинами. Была, конечно, и водка, и дешевая туркменская мадера для женщин. Я не сводил с Оксаны глаз – она сидела от меня далеко, за три стола. Для меня в этот момент решался важный вопрос. Профком раздавал подарки тем женщинам,

у которых были дети. От профкома не укроется ничего – но Оксане заветный пакетик никто так и не передал. Не могу скрыть, что у меня вырвался вздох облегчения.

Влюбился ли я? Не знаю. Каждый раз, когда я решал, что влюбляюсь, все кончалось быстро и грустно. Или девушка меня бросала по непонятной для меня причине, или я быстро понимал, что она – набитая дура и просто хочет замуж. Надо сказать, что от последних не было отбоя – для тех времен я был довольно перспективным женихом, с высшим образованием, отсрочкой от армии и пусть и маленькой, но все-таки квартирой в Москве.

На этот раз все было не так. Я видел, что мои чувства взаимны. Я чувствовал, что от Оксаны исходит не просто интерес к мужчине – от нее проистекала какая-то животная, сексуальная страсть. Меня это пугало и влекло – с моим мизерным половым опытом я искренне считал, что секс до свадьбы грязен и нечист. Однако внутренние желания сжигали меня, заставляя физически желать каждую симпатичную девушку – и samozабвенно онанировать в ванной, представляя разнузданный секс с ней.

В этот вечер я нажрался. Не напился, а именно нажрался. Обычно я пил немного, помня о вузовском значке и о том, что у меня интеллигентные родители – вернее, только мама, однако суть дела это не меняло. Конечно, в студенческие годы веселые московские вечеринки кончались по-разному – бывало, что и домой друзья доставляли в невменяемом состоянии, и просыпался иногда в чужом незнакомом доме – хорошо, если на кровати, а не на полу или в ванне. Однако я всегда старался пить по крайней мере какие-то приличные напитки, под тосты, с закуской.

В тот предновогодний вечер мне хотелось просто напиться. Местных я знал мало, все они, кроме Оксаны, интересовали меня достаточно слабо. В наш институт вряд ли кто из местного начальства догадался бы написать телегу, да и новый год был на носу. Черт возьми – когда еще напиваться, как не под новый год.

Окружающие, впрочем, полностью разделяли мою точку зрения, бодро откупоривая бутылки и разливая по граненым стаканам водку. Начальства в зале уже не было – парторг толкнул речугу, директор выпил с работягами по первой, профорг вручила подарки, после чего все руководство исчезло, оставив пролетариат и ИТР-ов напиваться в единении.

Хватанув первый стакан, я понял, что жутко голоден, и начал метать все, что стояло передо мной. После второго я сообразил, что на самом деле все люди – братья, а сибиряки – тем более, что и попытался объяснить сидевшему рядом соседу. После третьего я встал и пошел искать Оксану.

Плохо помню, что было дальше. Помню, танцевали с ней что-то непонятное. Помню, как остро чувствовал ее грудь, прижатую ко мне. Помню невообразимо прекрасный запах от ее волос. Как целовались где-то в углу под лестницей...

Очнулся я в трамвае. Увидел перед собой лицо Оксаны, внимательно меня слушающей. Понял, что пьян в стельку и несущей девушке какую-то чушь. Понял, что холодно и я нестерпимо хочу в туалет...

– М-м-м... Оксана, а мы куда едем?

– Тихо, все в порядке, скоро приедем. Не шуми.

Хотя и будучи в состоянии нулевой логики, я все-таки допер, что она обращается ко мне на «ты». Похлопал глазами, привел мысли в более-менее порядок. Вспомнил ее горячие податливые губы, тут же попытался ее обнять, за что получил легкий тычок в живот и шепот: «Не сейчас».

Остановки через три мы вышли. Было темно, мы были где-то на окраине, и мне стало не очень приятно – рабочие районы славились хулиганами, а я был малый не боевитый. В таких ситуациях меня часто спасали ноги, однако сегодня со мной была Оксана...

Впрочем, до кирпичной четырехэтажки мы добрались без приключений, если не считать того, что я попытался пообниматься с двумя деревянными столбами и несколько раз чуть

не спикировал на землю. Однако, заботливо поддерживаемый девушкой, наконец добрался до дверей.

В туалет я ворвался, забыв обо всех приличиях, прямо в полушубке, только скинув благоприобретенные на сибирской земле валенки – обувь смешную, но полезную. Глянул на себя в зеркало – нормально, выгляжу прилично, несмотря на явное косоглазие ввиду передозировки алкоголя. Подумал, что неплохо бы чашечку крепкого чая, чтобы привести себя в порядок перед сексуальными подвигами... опа, вот тут-то я сразу почти протрезвел. Она же привела меня домой! Меня, малознакомого мужика! Явно с единственной целью!

В этот момент меня резко отвлек от всех мыслей мой ненаглядный орган, выразивший свое отношение к моим мыслям решительно и однозначно. Пора было выходить из туалетного убежища и демонстрировать свои мужские достоинства... и я, конечно же, оробел. В самом деле, далеко не каждый день меня приглашает в гости девушка моей мечты, да еще с явным намерением... хм, приличного слова для ЭТОГО я не знал, а неприличным называть ЭТО с Оксаной у меня язык не поворачивался, даже наедине с собой. Так вот, мысль, которая меня стукнула в этот момент – это, конечно же, любимый мужской комплекс. Оправдаю ли я ожидания девушки? Не окажусь ли слабаком?

Меня привел в себя смех за дверью:

– Эй, ты тут не один! Я тоже хочу.

Я выскочил за дверь, вежливо пропустив Оксану. Разделся, прошел в комнату. Квартирка была маленькая, меньше нашей, московской, но ужасно уютная. Я бы даже сказал – какая-то кукольно-сказочная. Вроде все обычное, купленное в какой-нибудь советской очереди – но все сделано с совершенно необычным вкусом.

Сзади скрипнула половица. Я хотел обернуться, но меня обняли две руки. Щелкнул выключатель... и я утонул в ее объятьях.

Я раньше говорил, что у меня был некоторый сексуальный опыт? Так вот, я понял, что не было у меня никакого опыта. То, что делала со мной Оксана, было выше любых моих фантазий. Податливая и агрессивная, ласковая и нервная, скромная и развратная – она была сразу всем. Она отдалась мне, как верная жена, обняв меня руками и ногами, вжавшись в меня всеми частями тела, помогая мне входить в нее каждым своим движением, сладостно дыша мне в ухо и неудержимо приближая тем самым и так не задержавшийся оргазм. Она сделала мне массаж, принесла в кромешной темноте чашку чая, а потом, обцеловав все мое тело, стала гладить губами мой орган... Господи, такого я не испытывал никогда в жизни. Мне было стыдно за то, что она делает, и в то же время неудержимо хотелось, чтобы она продолжала и продолжала и продолжала... до тех пор, пока я не извергся в ее сладостный рот.

После третьего раза я отключился. Просто и бездарно заснул, развалившись на всю ее узкую кровать. Уснул, хотя чувствовал, что безмерно люблю ее и хочу, хочу, хочу...

Проснулся я посреди ночи от двух противоречивых желаний – помочиться и попить. Оксана спала, уютно свернувшись у меня под мышкой. Я осторожно встал, чтобы ее не разбудить. Прошлепал по холодному полу в туалет, нашарил в темноте унитаза. Понял, что не попаду, зажмурился и включил свет. Потом открыл кран, долго хлебал чистейшую ангарскую воду. Да, вот что в Сибири хорошо – так это вода. Напился, закрыл воду, щелкнул по выключателю. Промаяхнул. Попал на другой выключатель, включил свет в коридоре. Понял, что свет падает на Оксану, хотел быстро выключить, чтобы не разбудить ее. Бросил короткий взгляд на кровать и замер.

Да, она была прекрасна. Идеальных пропорций фигура. Высокая упругая грудь с большим черным крестиком на шнурке. Плоский живот. Красивые бедра. И – шрамы. Страшные. Обезображивающие все тело. Шрамы на животе, на груди, на ногах. Шрамы продольные и поперечные. Непонятно от чего – но не от операций и не от пуль. Этого добра я насмотрелся у друзей моего отца, прошедших обе войны.

Однако поразило меня не это. А татуировка на безвольно откинутой руке. Короткая строчка цифр на предплечье. Точно такую же я видел у моего дядьки...

Глава 1. 1939

Оксана всегда любила Львов. Она узнала, насколько он прекрасен в сравнении с другими городами, уже тогда, когда самые красивые здания были уничтожены немецкими и советскими бомбардировщиками. Однако даже в раннем детстве ей нравилось не торопясь бродить по тихой Стрыйской улице, глядя на готические шпили церквей и думая о разном.

В этом году она была счастлива вдвойне. Маме удалось устроить ее заниматься на фортепиано к профессору Барвинскому, только что приехавшему во Львов. До этого она занималась у старого еврея Гершензона, который неплохо играл, но совершенно не умел учить. При каждой ошибке маленькой ученицы он смешно потрясал пейсами и ругался по-еврейски высоким пронзительным голосом. Правда, Оксана дружила с дочкой Гершензона Алей, но это была единственная минорная нотка в смене учителя.

Конечно, музыке могла бы ее учить и мама – но и мама, и бабушка были убеждены, что учитель должен быть строг. А разве могла быть строгой ее милая и невероятно красивая мамочка?

Второй радостью был ужасно стыдный секрет, который случился с ней в конце зимы. Такой стыдный, что она едва рассказала о нем мамочке – и была удивлена тем, что в ответ услышала поздравление. Теперь она с трудом привыкала к тому, что она уже девушка – и эта мысль наполняла ее гордостью и ощущением тайны. А болезненно набухшие бугорки на еще недавно плоской груди делали эту тайну все более реальной.

Впрочем, к дню рождения она уже освоилась с новой ролью, и даже по страшному-страшному секрету поведала о своем превращении Але. И была ужасно разочарована тем, что Аля, оказывается, уже прошла через это и даже знала еще кучу очень неприличных вещей про отношения мужчин и женщин. С горящими щеками Оксана слушала то, что Аля рассказывала ей про разные такие вещи, а потом долго плакала в своей уютной спальне, не в силах представить себе, как ЭТО делала ее мама, пусть даже и с ее папой...

А папа, приходивший поздно вечером, весь пропахший карболкой и еще какой-то гадостью, не замечал происходящих в ней перемен и, как маленькую, подбрасывал до потолка своими сильными руками, заставляя ее произвольно визжать на всю квартиру.

Почти сразу после дня рождения им выдали табели и распустили на каникулы – почему-то очень рано в этом году. Оксана огорчилась единственной тройке по польскому языку, потом представила себе зануду пана Крышека, мысленно показала ему язык и забыла обо всех проблемах – до нового учебного года. Она радовалась распутившейся зелени, окончанию уроков и не замечала озабоченности в глазах взрослых, с которой они листали газеты и о чем-то тревожно шептались на кухне.

В начале июня она дала годовой концерт. Играла Гайдна, сорвала аплодисменты всего зала, получила нагоняй от Василия Александровича и с чувством полной свободы отправилась на каникулы.

Лето Оксана провела у другой бабушки – папиной мамы – в Бобрках. Бобрки были совсем недалеко от Львова, но на телеге туда ехали медленно – почти весь день. Оксана приморилась на солнце, а когда проснулась – дед уже распрягал лошадь во дворе.

Сначала Оксане было скучно и неинтересно в деревне. Последний раз она была здесь два года назад, еще совсем ребенком, и помнила только белые мазанки, речку и сенокос. Все это осталось – но теперь она стала взрослее, и ее больше интересовали люди.

Здесь, в отличие от Львова, совсем не было наглых развязанных пшеков и заносчивых немцев. Медлительные и рассудительные галичане не шумели, после работы вели степенные разговоры, по воскресениям мужики выпивали по две чарке горилки, кричали, закусывали салом и пели протяжные песни.

Детей в деревне почти не было – сначала. А потом приехало сразу несколько ребят ее возраста, и полетела веселая летняя жизнь. Речка, рыбалка, игры в прятки и городки, походы по окрестностям. Куда только девалась вежливая девочка из интеллигентной львовской семьи. Оксана прыгала и скакала, носилась наперегонки, веселилась от души, как будто чувствовала, что это – ее последнее свободное лето. Только купаться она сначала стеснялась, сидя на берегу и плетя венки из полевых цветов. Но потом не выдержала, натянула вместо отсутствовавшего купальника футболку и тоже полезла в воду. Впрочем, многие купались вообще голышом – нравы в деревне были намного проще городских.

Лето пролетело незаметно. В августе поспела черешня, потом – арбузы, и Оксана объедалась нечастыми для городских жителей фруктами и ягодами. За два дня до школы дед отвез ее обратно в город. А 1 сентября началась война...

С утра она, наряженная как кукла, пошла в гимназию. Прыгала, трясла косичками, радовалась, что уже такая взрослая и что пошла в пятый класс. Страшно обрадовалась, увидев Алю. Аля выросла за лето и как-то посерьезнела, однако при встрече тоже стала прыгать и визжать от восторга.

Взрослые уже все знали. Учителя ходили мрачные, отвечали невпопад, уходили куда-то посреди урока и приходили еще более мрачные. Пани Карина, которая вела английский, расплакалась посреди урока, убежала, и они ее больше в этот день не видели. Преподаватель физкультуры, пан Михась, наоборот, ходил довольный, и все время потирал руки, как будто вытирая их после мытья.

И только перед последним уроком Кристинка, дочка учительницы, рассказала им шепотом, что произошло. Мальчишки тут же стали собираться на войну и строить планы по обороне города, а Оксана страшно расстроилась, потому что знала, что папу, как врача, обязательно заберут в армию.

Занятия в гимназии отменили. Оксана ходила только на уроки по фортепиано. На улицах стало больше полицейских, которые, в отличие от довоенных времен, стали злыми и часто не разрешали проходить по какой-нибудь улице. Но главное – из магазинов сразу же исчезло все. Продукты, спички, мыло, ткани – все было раскуплено в первые же дни сентября. Маме удалось купить целый ящик мыла, и она старательно завернула каждый кусочек и спрятала их по разным уголкам квартиры.

– Зачем нам столько мыла? – удивлялась Оксана. Мама не отвечала. Она уже не ходила на работу в консерваторию, а все чаще молча бродила по комнатам, что-то шепча – как могла расслышать Оксана, в основном «Отче наш». Зато папа бывал дома все реже, а когда бывал – разговаривал короткими фразами и иногда запирался с мамой на кухне для каких-то своих разговоров.

Первая бомбардировка была полной неожиданностью для всех. Жуткий вой самолетов с черными крестами на крыльях, грохот падающих зданий, пыль, трупы... Все это было для Оксаны как какое-то кошмарное кино – только цветное, во вспышках взрывов. После этого в городе установили сирены, которые предупреждали о приближении немецких бомбардировщиков. Оксана при первых визжащих звуках опрометью мчалась в подвал, держа в руках заранее приготовленный плед и канистру с водой. Мама не любила прятаться в подвале и спускалась туда неохотно, а бабушка вообще наотрез отказывалась это делать, говоря, что Богу виднее, кого наказывать.

Впрочем, бомбардировки быстро прекратились. Город наполнился солдатами, ранеными и беженцами, которые просили подаяние на всех углах.

Как-то утром Оксану разбудили выстрелы. Вернее, сначала она не поняла, что это за звуки. Встала, вышла на балкон. Прямо под ней, по улице, бежали люди в зеленой форме и стреляли как будто из игрушечных ружей. С другой стороны в них тоже кто-то стрелял.

Вдруг из-за угла с грохотом выкатился танк. Остановился, покрутил башней и оглушительно выстрелил. У Оксаны зазвенело в ушах, и она поняла, что уже ничего не слышит. От соседнего дома повалил дым. Танк выстрелил еще раз – она не услышала звука, но поняла по сотрясению воздуха и вспышке. На этот раз снаряд взорвался где-то совсем рядом. Как будто в замедленном кино, из окна дома вылетел человек и, размахивая руками, рухнул на асфальт. В ужасе она увидела, как его череп раскололся, и на брусчатку вывалились розоватые куски мозга...

Глава 2. 1939

Это просто какой-то непрекращающийся ужас. Я не хочу. Я хочу, чтобы все было как раньше. Хочу, чтобы мама была доброй и красивой. Чтобы играла музыка. Чтобы приходили в гости красивые дяди и тети.

Мама думает, что я маленькая, что я ничего не вижу и не понимаю. Я все понимаю. Вчера я читала листовку большевиков. Они приказывают всем пройти регистрацию, иначе отправят в тюрьму. А сегодня я нашла в подъезде листовку ОУН. Они просили всех честных граждан воевать против оккупантов. Уходить в леса, отбирать оружие, стрелять. Интересно, я – честная гражданка? Не знаю. Я – честная католичка. Должна ли католичка держать оружие в руках?

ОУНовскую листовку я отнесла папе. Он сказал, чтобы я никогда не подбирала и не читала такие вещи.

Мама говорит, что, может, еще не все так плохо. Может, русские дадут работу. Что лучше русские, чем немцы. Я не знаю. Я не видела немцев, но русские мне не очень нравятся. Вчера я встретила с двумя солдатами – они были пьяными и приставали к какой-то польской девушке, а она их совсем не понимала. Я тоже не очень хорошо понимаю их язык – он почти как украинский, но непонятный.

Русские солдаты разместились в казармах Стрыйского парка. А офицеров расселили по квартирам. Мама боялась, что к нам тоже кого-нибудь поселят, но пока обошлось. Офицеры мне нравятся больше, чем солдаты. Они веселые, не такие пьяные и от них хорошо пахнет одеколоном.

Мама пошла на регистрацию. Говорит, что ничего страшного. Она хотела узнать, надо ли регистрировать меня, но ей ничего не ответили, сказали только, что скоро откроют школу. А папа не пошел регистрироваться. И на работу он тоже не ходил. Сидел дома и свистел разные песенки из тех, что раньше играла и пела мама. А по вечерам они все время спорили с мамой за закрытыми дверями кухни.

После одного такого спора мама позвала на кухню меня. Папа как-то странно на меня посмотрел и вышел. Мама долго сидела и смотрела мне в глаза, потом сказала:

– Оксана, ты уже взрослая.

– Да, мама.

– Понимаешь, сейчас такое время, что приходится быть взрослой.

– Да, мама.

– Обещай, что если с нами что-нибудь случится, ты сразу же уедешь к бабушке в деревню.

– А с вами что-то может случиться?

– Обещай.

– Хорошо, мама.

– Так вот, дочка. Папе надо уехать. По очень важным делам. Надолго.

– Зачем?

– Я не могу тебе сказать. Но есть очень важная вещь, которую ты должна запомнить.

Кто бы и что бы тебя не спрашивал – говори, что не знаешь, где папа.

– Я и так не знаю.

– Вот и говори. Что он поссорился со мной и уехал давно, когда началась война.

– Поссорился?

– Ну нет, конечно. Но так надо сказать.

– Мама, но врать – грех.

– Я знаю, дочка. Но я замолю этот грех. Не бойся. Это – ложь во спасение.

– Хорошо, мама. Но...

– Все, доня. Все, – она заплакала и обняла меня.

В эту ночь папа исчез. Исчезли и все его хирургические инструменты. Я долго думала, куда он мог уехать, но так ничего и не придумала.

В ноябре всем объявили, что Западная Украина решила присоединиться к СССР. В этот день мама очень долго ругалась с бабушкой, так, что бабушке стало плохо с сердцем. Как я поняла, бабушка ругала маму, что она не уехала со мной в Варшаву. А мама говорила бабушке, что в Варшаве сейчас еще хуже. Я не знаю, как может быть еще хуже. У нас кончились все продукты. Мама каждый день ходила менять припасенное мыло на какую-нибудь еду, но на рынке тоже ничего не было. Кончились дрова, их теперь никто не продавал. В ноябре в Львове уже холодно, я хожу даже по дому в толстой кофте и сапогах. И все время хочется есть...

Правда, когда мне было шесть лет, было в самом деле гораздо хуже. Я плохо помню – скорее, по рассказам мамы, что в Львове люди умирали от голода. Мы тогда выжили только потому, что уехали к папиным родителям в деревню, в Бобрки. А папа рассказывал, как они отбивались от голодных городских жителей, которые по ночам грабили деревенские огороды. Их, конечно, тоже было жалко, но я иногда думаю, что если бы тогда нас тоже ограбили, мы бы все умерли с голода.

Мы часто сидели с Алей у меня в комнате и вспоминали старые времена. Как вкусно и хорошо ели, как здорово играли, какие праздники устраивались в городе на Рождество. Только от разговоров о еде все равно хотелось есть, даже еще больше. Но отказаться от этих воспоминаний мы не могли.

Господи, как страшно было в первый раз после всего этого идти в школу. Школа была вся в каких-то дырках – говорят, в ней прятались ОУНовцы, и по ним стреляли из пулемета. Внутри школа была разрисована всякими лозунгами. Но, самое плохое – не было половины учителей. Нам не говорили, где они, но Кристинка сразу же сказала, что их арестовали и увезли русские. А еще она сказала, что отца Станислава, нашего ксендза, русские расстреляли прямо во дворе школы.

Аля мне говорила, что все взрослые мужчины ушли в ОУН, в леса. При этом она так странно смотрела на меня. Я не сразу поняла, что это она думает о моем папе. Не знаю. Я не представляю себе, чтобы папа стал с кем-нибудь воевать. Он же врач. И католик.

А Алин папа не ушел в ОУН. Он еврей. Он всю жизнь играл на скрипке вместе с моей мамой, а сейчас тоже сидит без работы.

В городе откуда-то появилось много странных, чужих людей. Они шли с котомками, тележками, иногда ночевали прямо на улице. Мама сказала, что это евреи, сбегавшие из Варшавы и Кракова. Она не объяснила, зачем они бегут, и почему бегут к нам – но и без этого было страшно.

На этих людей никто не обращал внимания, и они тоже ни с кем не общались. Постепенно они исчезали, на их место приходили новые – я не понимала, куда они деваются, но потом, проезжая мимо кладбища, совсем на окраине, увидела много деревянных сараев, вокруг которых сутились те самые люди...

В гимназии было все по-другому. Только это уже была не гимназия, а обычная школа. У нас стало много русских учителей. Они были вроде неплохие, но никто из них не знал ни по-украински, ни по-польски. А из нас никто не знал ни слова по-русски. Все уроки теперь проходили очень странно – учитель что-то говорил у доски, потом вызывал кого-нибудь по журналу, путая фамилии, ученик выходил, говорил, что ничего не понял, и садился обратно. Аля первая придумала говорить что-нибудь смешное по-польски про учителей. Если украинский они еще немного понимали, то польский не знали вообще. Теперь на всех уроках мы то и дело смеялись, а учителя злились и ставили нам двойки. Ну и что. Зато в школе нас бесплатно кормили, правда, совсем мало.

Еще в школе был новый директор, русский мужик, который ходил почему-то в военной форме. Он понимал по-украински и немного по-польски. Каждый неделю он строил нас

на улице, без пальто, несмотря на холодную погоду, и долго ходил вдоль строя взад-вперед, ругая поляков, фашистов, Пилсудского и Рыдз-Смиглы. Мне было стыдно, когда он ругался. Стыдно смотреть на Кристинку и других поляков. Я не задумывалась, что мы с ними – разные нации.

А под Рождество к нам пришел папа. Правда, я спала и его не видела. Сквозь сон я слышала, как ко мне в комнату кто-то тихонько входил, и чувствовала, как на меня смотрят. Потом слышала, уже совсем ночью, смех в спальне. Утром мама была веселая, напоила меня шоколадом, долго молчала, пылливо глядя мне в глаза, потом сказала:

– Вчера приходил папа.

– Ой, – обрадовалась я. – А почему не разбудили меня?

– Нельзя было. Он приходил по секрету. Только, доня, ты никому ничего об этом не говори, иначе нас всех посадят в тюрьму.

– Хорошо, мамочка. А папа когда вернется?

– Ох, господи, хотела бы я тоже это знать. Ладно, пей какао, папа принес немного продуктов. И еще, доня...

– Да, мама?

– Не ходи гулять в парк.

– Почему?

– Просто не ходи – и все.

Мне было жалко. Стрыйский парк был нашим с Алей любимым местом. Мы забирались в самую чащу, залезали на дерево и мечтали. Русские солдаты нам не мешали – они все время ходили строем по дорожкам.

Через два дня меня разбудили выстрелы и взрывы. Они были совсем рядом. В общем-то, после прихода русских на улицах стреляли часто – но это было другое. Обычно раздавался окрик, затем стук подметок о брусчатку, затем один-два выстрела – и все. Сейчас же раздавалась настоящая непрерывная пальба.

Я встала и подошла к окну. В районе парка что-то светилось, вспыхивало, кричали люди – кричали страшно, как от дикой боли. Мне стало жутко. Я заткнула уши и села около окна.

Господи. Я чувствовала, что там – мой папа. Господи, только не дай ему умереть. Он хороший. Он сражается за нас с мамой. Против русских.

Мое сердце колотилось как бешеное. Мне было так жутко, как никогда. Даже тогда, когда я увидела мозги на брусчатке. Тогда я упала в обморок – мне было легче. Сейчас меня просто колотило.

В комнату тихонько заглянула мама. В свете зарева она казалась похожей на смерть. Господи, прости меня за такие мысли. Она так похудела. Бедная, она совсем ничего не ест. Она обняла меня, прижала к своей груди. Мамочка. Как мне хорошо с тобой. Как мне тебя жалко. Умная, красивая мама.

Утром в школе вездесущая Кристинка рассказала нам под страшным секретом, что на казармы русских солдат напали ОУНовцы. Говорят, убили кучу народа. Но несколько наших попали к русским, и их теперь пытаются в подвалах военного управления.

Значит, мама знала, когда не пускала меня в парк. Значит, там действительно был папа. Господи, только бы он не попал к русским.

Послезавтра Рождество. Директор школы сказал нам, что праздник отменяется, будем праздновать Новый год. Еще он сказал, что Бога нет, его придумали ксендзы для того, чтобы брать больше денег с народа. Он слеп. Он не крещен и не ходит в церковь. Я сама чувствовала Бога на первом причастии. Я чувствовала, что Бог – со мной, что он охраняет меня. Как и сейчас.

Мы стояли молча, не глядя на директора. А директор сказал, что он будет всех нас проверять, чтобы мы не носили крестики. Будет раздевать и проверять. Мамочки, я боюсь.

Я сказала маме, что больше не пойду в школу, потому что директор обещает меня раздеть и проверить, нет ли у меня крестика.

В эту ночь мама не ночевала дома. Она сказала, чтобы мы ее не теряли, очень красиво нарядилась и ушла. Она была такая красивая...

Я плохо спала ночь. Мне снилось, как директор школы расстегивает на мне платье, и мне почему-то хочется этого и в то же время безумно стыдно... Утром у меня болела голова. Я уже уходила в школу, когда пришла мама. Она поцеловала меня в лоб. От нее пахло очень странно – чужими духами и табаком.

– Мамочка, ты курила?

– Нет, дочка. Извини меня. Так было надо. Не ходи на Рождество в школу – у нас будет праздник дома. Я напишу директору, что ты заболела.

Я не знаю, где была мама, но мне все это совсем не нравится. Надо что-то делать, где-то взять денег. Консерватория не работает. Василий Александрович тоже сидит без работы, хотя он директор консерватории. Но на уроки к нему я все равно хожу, хотя холодно и приходится ехать несколько остановок на трамвае. Он не берет с нас денег, говорит, что потом отдадим.

Накануне Рождества в школе был скандал. Всех построили и директор приказал снять крестики и положить перед ним. Некоторые младшие послушались. Им было стыдно, на них смотрели все, но они все равно сняли крестики и положили их на пол.

К остальным директор подходил сам и срывал крестики со всех. Мальчишки стояли красные, сжав зубы, но молчали. Я знала, что им хочется его убить. А директор все приближался и приближался ко мне. Вот он уже около Крестинки. Крестинка – из очень верующей семьи, ее папа – ксендз. Крестинка стояла бледная как смерть и молилась – я видела, как шевелятся ее губы. Я знала, что она просит о прощении для директора.

Директор протянул руку к Кристине. Она помотала головой и прошептала:

– Нет.

На ней было очень красивое шерстяное платье. Я знала, что оно досталось ей еще от бабушки, с тех пор, когда та ходила в свою гимназию. Директор схватил ее за ворот и рванул к себе. Потом выругался по-русски, схватил двумя руками и рванул еще раз. Все ахнули. Платье на Крестинке разорвалось пополам. Блеснуло голое тело. Крестинка вскрикнула и зажала платье на груди. Директор рванул еще раз. Платье разлетелось в стороны. Крестинка стояла в одной рубашке сверху и в зимних рейтузах снизу. Рубашка тоже разорвалась. Кристина испуганно прикрывала руками свою грудь и плакала. Директор схватил за крестик и дернул. Раз, другой. У меня крестик был на такой же веревочке, что и у Крестинки, нам их дал ее отец после первого причастия. Веревочка была очень прочной, я бы не смогла ее порвать. Директор смог. Наверное, Крестинке было очень больно, но она смолчала, только на закушенных губах выступила капелька крови.

Она так и стояла, мужественно, голая под взглядами всей школы, вся в слезах, пока директор не прошел весь строй. Каюсь – я струсила. Я боялась, что буду так же стоять голая среди всех. Я отдала крестик сама.

Аля не носила крестик. Она была иудейкой. Однако директор ей не поверил. Он залез ей за воротник и долго там шарил. А потом сказал по-русски... я не могу повторять такие слова. Хотя у нас ругаются так же.

В Рождество в школу не пошел почти никто. Это мне потом сказали – я тоже не пошла. Я проплакала почти всю ночь на плече у мамы, потом мама дала мне какие-то пахучие капли, и я проспала до обеда. А когда проснулась – светило солнце и наступило Рождество. Конечно же, я проспала мессу, и мама с бабушкой сходили без меня. Но это не страшно – наш ксендз, покойный отец Станислав, всегда говорил, что в случае болезни мессу пропустить не грех. Бедный отец Станислав... Сейчас в костеле служит его помощник, но кто знает, что будет с ним потом. И что будет со всеми нами...

Вечером дома был праздник. Красивый стол, пирог, свечи. Мне налили немного сладкого вина, и я забыла про ужасное происшествие в школе. Не хватало только папы. Папа всегда любил Рождество, он говорил, что это самый главный семейный праздник, и его должна встречать вся семья вместе. И вот...

Утром нас не пустили в школу. Вход караулили русские милиционеры, кто-то ходил с собакой, все были злые и ругались на всех вокруг. И ругали Галичину.

Директора убили прямо у него в кабинете. В рождественский вечер. Я не видела, конечно, и не стала бы на такое смотреть – видела Аля, которая пришла в школу раньше всех и заглянула через плечи учителей. Она говорит, что кто-то разломал стул, одну ножку вбил директору в рот, вторую – в сердце. Наверное, это ужасная смерть. Наверное, я плохая христианка – но мне его не очень жалко.

Почти все поняли сразу, кто его убил. Конечно, это были не ОУНовцы. Те просто расстреляли бы его и повесили табличку «Смерть оккупанту». Это были наши мальчишки из десятого класса.

Через два дня их арестовали. Всех, вместе с родителями. У одного из мальчишек, Раймонда, была сестра в нашем классе. Ее тоже арестовали. А еще через день по всему городу были расклеены русские листовки – на этот раз на украинском и польском языках. Там были фамилии наших мальчишек и написано, что их приговорили к расстрелу, а их семьи сослали в Сибирь.

А еще в НКВД водили всех наших учителей. Но никто из них не был на линейке и ничего не видел, а рассказать мы еще не успели. Наверное, кто-нибудь успел, но все равно все молчали.

Глава 3. 1940

Оксана перестала понимать себя. Раньше все было просто – семья, город, гимназия, она. Сейчас внутри, в голове, как будто все разладилось. Все время хотелось есть, взрослые стали какими-то странными, мальчишки стали относиться совсем по-другому. Сильно болела грудь – еще вчера маленькие бугорки, почти не видные под платьем, набухли, увеличились и пульсировали в такт биению сердца. Она даже подумала, что заболела. Набравшись решимости, сказала маме, но та только посмеялась и сказала, что все в порядке и она просто становится взрослой.

Она стала нервной и раздражительной. Ей не нравилось то, что мама теперь раз в неделю уходила куда-то по вечерам и возвращалась только утром. Правда, у них теперь стало больше денег, но от мамы все время пахло вином и табаком, и она гораздо чаще плакала по ночам, запершись у себя в комнате.

Бабушка со всеми проблемами стала совсем плохо ходить. Теперь она почти не выходила на улицу и только готовила поесть, когда было из чего.

В середине января случилось страшное. Маму вызвали в районный совет и сказали, что квартира теперь принадлежит не им, а государству. А так как они буржуи и слишком хорошо живут, то им оставляют только две комнаты, и пусть скажут спасибо, что у них есть ребенок, иначе им оставили только одну.

Мама проплакала всю ночь, а на следующий день Оксана, вернувшись из школы, увидела в коридоре кучу вещей и сидящего на них толстого пацана чуть младшее ее. Пацан грыз пряник. Увидев Оксану, мальчишка весело сказал по-русски:

– Здорово, фашистка. А мы теперь у вас жить будем. А когда вас посадят, нам всю квартиру отдадут.

Оксана уже неплохо понимала по-русски, хотя говорила и писала с ошибками. В школе их заставляли говорить только по-русски, за украинскую, польскую и немецкую речь наказывали, заставляя мыть полы во всей школе. Больше всего страдала Кристинка, для которой даже украинский был чужим, а русский она вообще не понимала.

Оксана смерила пацана взглядом, отчего он замолк и посерьезнел. Затем подошла и с размаха врезала ему кулаком по лицу. Она никогда раньше не дралась, но сейчас ее охватило такое бешенство, такая ненависть ко всем русским сразу, что она готова была убить этого мальчишку.

Пацан упал на пол и заорал. На крик из комнаты – ее комнаты! – выскочили незнакомые мужик и женщина. Мужик, в военной форме, и женщина, очень худая, со злым изможденным лицом.

– Олег, что случилось?

– Мама, папа, она меня ударила! Она фашистка, ее надо расстрелять!, – вопил пацан. Мужик злобно посмотрел на Оксану, схватил ее за волосы и потащил на кухню. Оксана от неожиданности взвизгнула. В коридор выскочила бабушка, ошеломленно глядя на происходящее.

Затащив Оксану на кухню, мужик закрыл за собой дверь, швырнул ее в угол, так, что она ударилась головой о ножку стола, и сквозь зубы прошипел:

– Еще раз тронешь мальчика – убью. Поняла?

Оксана всхлипнула. Ей было больно и обидно.

– Поняла или нет, сука, тварь бандитская?

– Да, – сквозь слезы сказала она.

– Смотри мне. Всех сгною в тюрьме.

Теперь они жили в маминой и бабушкиной комнате. Гостиную, кабинет и ее комнату занимала новая семья.

Мама рассказала, что мужик – командир военной части, только что приехал с какой-то войны в Китае, был ранен и поэтому очень злой. Она попросила Оксану быть осторожнее, потому что их в самом деле могут выгнать из дома.

На кухне теперь хозяйничала жена командира. Она забрала почти всю их посуду, и сказала, что они должны появляться на кухне только тогда, когда она там не готовит.

Папан стал ходить в ее школу. Оказалось, что он только выглядит младше, а на самом деле он старше ее на год и учится в седьмом классе. В школе вообще стало очень много русских. Они поселялись в больших квартирах, где было больше двух комнат, потеснив жильцов. Весь город был заполнен военными и милицией. Милиция постоянно кого-нибудь арестовывала, и очень часто после этого этих людей никто уже не видел. В их пустые квартиры тоже вселялись приехавшие русские.

Всем немцам, которые до сих пор не были арестованы, русские власти разрешили уехать в Германию. Галичане никогда особенно не любили немцев, которые все называли по своему, даже город называли не Львов, а Лемберг, однако жили с ними мирно. Немцев в городе было много, даже в маминой консерватории был немецкий пианист. Теперь все эти люди бросали свои дома, мебель, машины и брали штурмом поезд Львов-Варшава. В течение двух месяцев все немецкие дети исчезли из школы, а на их место пришли дети русских военных и милиционеров.

В городе закрыли все костелы, синагогу и православную церковь. Папа Кристины теперь сидел без работы, они тоже голодали, и Оксана иногда приглашала Кристину на ужин. Они честно делили между собой хлеб, картошку или размазную, которую готовила бабушка, а потом ложились вместе в постель, чтобы было теплее, и долго шептались между собой. Как ни было плохо, но жизнь продолжалась. Кристинка как-то призналась Оксане, что влюбилась в Степана из восьмого класса. Высокий симпатичный парень, он нравился всем девчонкам в школе – и Оксана была не исключением. Поговаривали, что он тоже состоит в ОУН, что придавало ему ореол мужественности и таинственности.

Но особенно Оксане нравился Микола из седьмого класса. И она ему тоже нравилась. Встретив ее в коридоре или перед школой, он незамедлительно краснел, смотрел в землю и не мог поднять на нее глаз. Невысокого роста, смешной, он вызывал у Оксаны какие-то странные чувства, которые она, будь взрослее, назвала бы материнскими.

Жизнь постепенно налаживалась. Открылась консерватория, мама снова пошла на работу. Платили ей мало, однако по сравнению с прошлым годом это было все-таки лучше, чем ничего.

В феврале случилось страшное. Умерла бабушка Анна. Она шла по улице из магазина, где отстояла длинную очередь, когда увидела, как русские солдаты бьют какого-то мальчика. Бьют сильно – ногами и прикладами винтовок. Бабушка попробовала вступить, однако получила удар прикладом по голове, упала, потеряла сознание. Когда пришла в себя – увидела спины солдат, которые тащили мальчика куда-то за угол. Сердобольные прохожие помогли ей добраться до дома, где она слегла и через два дня тихо умерла.

Все два дня Оксана проплакала и промолилась перед ее постелью. Прежде она никогда не видела смерть так близко, и ее до глубины души поразила процесс перехода человека из живого состояния в неживое. Момент, когда бабушка, последний раз горестно вздохнув, испустила дух, потряс ее настолько, что она почувствовала себя причастной к вечности...

Бабушку хоронили тихо и страшно. Страшно – потому что вечером того дня, когда умерла бабушка, в их комнату без стука вошел сосед, подошел к кровати, на которой лежало тело, презрительно посмотрел на него и сквозь зубы произнес:

– Чтобы завтра этой падали здесь не было.

С похоронами помог Василий Александрович. Он же договорился и о месте на Яновском кладбище, где были похоронены все их предки. Теперь, при русских, обо всем приходилось договариваться по знакомству.

Идя за телегой с гробом, Оксана думала, какая странная вещь жизнь. Еще вчера человек был самым близким тебе, после мамы, конечно. Можно было прижаться к нему, почувствовать его тепло, уснуть у него на плече. А сегодня это – холодное мертвое тело, на которое даже страшно смотреть, не то что прижиматься. Погруженная в эти мысли, Оксана молчала, не отвечая на сочувственные слова бабушкиных подруг и маминых коллег. Идти было далеко, Оксана сильно замерзла, но гораздо больше она беспокоилась о маме, которая непрерывно плакала.

Бабушку Анну похоронили рядом с дедушкой, которого Оксана не знала – его убили в 1920 году. Стоя на коленях на холодной могильной плите и молясь о бабушкиной душе, Оксана вдруг почувствовала, что завтра здесь, у могилы, обязательно окажется папа. И твердо решила сюда придти прямо с утра.

Убитая горем мама даже не обратила внимания на то, что она ушла не в школу, оставив портфель и очень тепло одевшись. До вокзала на этот раз Оксана подъехала на трамвае, и едва взошло солнце, уже стояла под большим каштаном около бабушкиной могилы. На кладбище было тихо, как будто не было новой власти, как будто все было по-старому. Пройдет всего два года, и жители Львова будут вздрагивать при одних только словах «Яновское кладбище»...

Она уже сильно замерзла, когда на аллее показалась какая-то фигура. Старик-крестьянин, с котомкой за плечами, постукивая палкой, не торопясь шел прямо к ней. У Оксаны стукнуло и замерло сердце. Она шагнула из-под дерева навстречу старику, с трудом, но все-таки узнавая в нем отца, так странно одевшегося.

Обнявшись, они молча постояли над могилой. Потом отец вздохнул и сказал:

– Хороший был человек. Упокой, господи, ее душу.

– Папа, когда все это закончится? – задала Оксана вопрос, который уже несколько месяцев не выходил у нее из головы.

– Если бы я знал, доня... Когда-нибудь закончится. Надеюсь. Видишь ли, нам пришлось жить в очень трудное время. И мы должны быть мужественными, чтобы выжить...

– И тогда мы будем снова вместе?

– Конечно, доня... Именно для этого мы и сражаемся.

Оксана вернулась домой к вечеру. Весь остаток дня после короткого свидания с отцом она бродила по городу, думала, иногда плакала. Мама сидела в полумраке комнаты, сжимая в руке ее фотографию, и только облегченно вздохнула, увидев ее на пороге... и напряглась, увидев в ее руках котомку. Оксана поднесла палец к губам, чтобы пресечь неизбежный вопрос – двери были открыты, и в соседней комнате что-то делали соседка и ее неприятный ребенок.

Отец передал с ней консервы, шоколад и какие-то ампулы, которые мама, многозначительно покачав головой, тут же спрятала. А потом они вместе допоздна перечитывали отцовское письмо, прежде чем сжечь его на спиртовке.

Беды на этом не закончились.

Глава 4. 1940

Все зимние каникулы мы провели с Кристиной и Алей. В последнее время мы как-то сблизились и стали взрослее. С нового года открылась консерватория, мама снова пошла на работу, однако мы все равно голодали. В магазинах было мало продуктов, цены на рынке стали очень высокими. Русские учителя говорили, что все эти проблемы – из-за ОУНовцев, которые взрывают поезда с продуктами. Я им не верю. Ведь там – мой папа, который никому не хочет зла.

После смерти бабушки мама сильно сдала. Я видела, что у нее опускаются руки. Она стала молчаливой, подолгу сидела вечерами в темноте у окна и смотрела на улицу. Раньше она все время рассказывала о том, что происходит в консерватории, а теперь приходила с работы и молчала... Сначала я этого пугалась, пыталась ее растормошить, потом поняла, что маме просто плохо. Конечно, если бы папа был с нами, все было бы совсем по-другому...

Наш сосед часто приходил с работы пьяным. В такие вечера он вламывался в нашу комнату, мутным взглядом обводил все углы, мрачно смотрел на нас с мамой, иногда матерился и уходил. Я не понимала смысла этих визитов. Иногда он манил пальцем маму, они уходили на кухню и о чем-то там разговаривали. После таких разговоров мама приходила с красными глазами и подолгу молчала.

Это случилось в какой-то русский праздник, весной. Нас продержали с утра на линейке, один урок рассказывали про значение русской революции и их Ленина, и потом отпустили по домам. Гулять не хотелось – настроение было поганое, я вспомнила про папу, который скрывается где-то в лесах, про бабушку... Пришла домой, открыла дверь и сразу услышала какие-то странные звуки... то ли стоны, то ли всхлипы. Они доносились из комнаты, где теперь спали мы с мамой.

Я знала, что это такое. Кое-что рассказала Аля, кое-что – мама, остальное было дополнено собственным воображением... Но я никогда это не видела. Наш сосед стоял перед маминной кроватью, в расстегнутом френче. На кровати стояла мама. На коленях, упершись головой в стенку. Голая. И они...

Я застыла на пороге. Простояла, наверное, несколько минут, слушая хриплое дыхание соседа и всхлипы мамы. Потом отступила назад, в коридор. Первой моей мыслью было пойти на кухню, взять нож и вонзить соседу в спину. Мысль о том, что мама делает это добровольно, мне даже не приходила в голову. Однако... я не знаю, что меня остановило. Я осторожно вышла в подъезд и тихо прикрыла за собой дверь.

Я пошла к Але. В их небольшом домике меня всегда встречали радушно, несмотря на то, что семья голодала. Я так никогда и не сказала своей подруге, что произошло в то утро. Я просто проплакала до вечера у нее на диванчике.

Я не знаю, как теперь смотреть в глаза маме... как не дать ей понять, что я это видела...

Уже по дороге домой я поняла, в чем дело. Наверняка мама пожертвовала собой, чтобы спасти нас обоих. Защитить от русского соседа, способного упрятать нас обоих в тюрьму.

Мы с мамой никогда не говорили на эту тему. Отношения соседа с нами немного изменились к лучшему – он больше не врвался к нам в комнату и не матерился, встретившись с кем-нибудь из нас в коридоре. Домой теперь я старалась раньше времени не приходиться...

Однако в отношениях с соседями было нечто, что осложняло мою жизнь очень сильно. И что я не могла доверить маме, но рассказывала Але.

Это был соседский мальчишка, Мишка.

Вскоре после того, как они у нас поселились, он начал за мной подсматривать. Везде. Он как бы случайно заглядывал в комнату, когда я переодевалась после школы, залезал в высокое окно ванной смотреть, как я моюсь, как бы случайно касался моей попы или груди, как бы

невзначай задирает юбку... Я не могла ему ответить. Я бы с удовольствием избивала бы его – но это означало бы, что нас тут же выкинут из квартиры. И этот гаденыш про это знал...

Как-то раз, уже в мае, мы случайно оказались с ним дома вдвоем. Я уже вернулась из школы, а он болел – или делал вид, что болел. Он поймал меня в коридоре, обхватив сзади, прижавшись всем телом и положив ладони на грудь. Я инстинктивно дернулась и замерла, не зная, что делать. Он мямлял мою грудь, возбужденно сопя и прижимаясь ко мне все плотнее. Наконец я вывернулась, отскочила от него и, сжав кулаки, приготовилась броситься на него. А он стоял напротив, злорадно ухмыляясь и поглаживая бугорок у себя на штанах.

– Ну что, шлюха бандитская, пойдем в кровать? – наконец выдавил он из себя. На глаза мне навернулись слезы, я рванулась к нему... наверное, на моем лице была написана решимость его убить. Он взвизгнул, отпрыгнул и убежал к себе в комнату, быстро защелкнув задвижку.

Отцу он, видимо, ничего не сказал – вероятно, знал, что его действия не одобряют. Однако мне с тех пор не давал прохода, в любой удобный момент пытаясь схватить за какое-нибудь место.

Сначала я хотела его отравить. Я думала, что у нас в доме найдется что-нибудь, что можно подсыпать пацану в еду – а лучше всей их семье. Я даже прочитала папин справочник по лекарственным средствам, после чего перерыла всю домашнюю аптечку – но с огорчением убедилась, что никаких сильнодействующих препаратов у нас не было. Наверное, их прятали от меня или просто не держали дома.

Потом я поняла, что если кто-то из семьи русского военного умрет от отравления, первое же подозрение падет на нас с мамой. Тогда я решила рассказать о приставаниях соседского мальчишки нашим ребятам, про которых говорили, что они состоят в ОУН. Я была уверена, что тогда мальчишку просто убьют где-нибудь на улице. Однако для этого нужно было рассказать ребятам и о том, как именно ко мне пристают – а у меня никак не поворачивался язык сказать про такие вещи кому-нибудь, кроме Али. Я не решалась рассказать о таком даже Кристине.

Впрочем, все это оказалось детскими шалостями по сравнению с тем, что ждало нас впереди...

День рождения получился грустный. Правда, мама сделала вкусные галушки, нарядилась и надушилась, но меня это совсем не радовало. Она подарила мне тоненький, но ужасно красивый бабушкин серебряный браслет, и я потом долго плакала – и из-за бабушки, и из-за мамы, и просто так.

Школьный год я заканчивала так себе. Раньше я сгорела бы от стыда за такие оценки. Теперь мне было все равно. По русскому я даже попыталась получить двойку, но вовремя одумалась и написала последний диктант на четверку. Мной овладела странная апатия к тому, что происходит снаружи меня. Все эти изменения внешней жизни, суэта, чьи-то проблемы постепенно перестали меня волновать. Внутри меня играла медленная минорная музыка, проносились какие-то видения, образы, мысли...

Еще в мае к нам приехал дедушка из деревни и договорился с мамой забрать меня на лето. Мне хотелось отдохнуть, развеяться, но я боялась оставлять маму одну с ее депрессией, проблемами и проклятым соседом.

Дедушка должен был приехать за мной в начале июня. Однако за несколько дней до его приезда случилось то, что долго потом снилось мне в ночных кошмарах.

Я уже спала, когда на лестнице раздались шаги и затем – громкий стук в дверь. К нам никто не должен был придти, скорее всего это был вестовой за соседом – такое было достаточно часто – однако я все равно проснулась и с закрытыми глазами прислушивалась к негромкому разговору в коридоре. А потом в нашей комнате зажегся свет, и я увидела людей в кожаных куртках и фуражках со звездами...

Они оставили маму в нашей спальне, а меня посадили на стул в бабушкиной комнате. Прямо как я спала – в ночнушке и с закрученными папильотками. Около меня стоял русский солдат с винтовкой и строго смотрел за каждым моим движением. Остальные в это время выворачивали на пол вещи, разбрасывали книги, разбрасывали постели. Кто-то в соседней комнате громко кричал на маму, но из-за волнения и маминых всхлипываний я не могла разобрать ни слова.

Иногда в комнату заглядывал сосед. Несмотря на ночное время, он был в форме и о чем-то тихо переговаривался с людьми, стоящими в коридоре.

Потом в комнату зашел человек в очках. Я почему-то сразу поняла, что это он кричал на маму, и внутренне сжалась. Однако он заговорил со мной очень доброжелательно и даже ласково. И, что до меня не сразу дошло – по-польски.

– Девочка, тебя как зовут?

– Оксана.

– Оксана, ты знаешь, что это такое? – он показал на винтовку в руках у охранявшего меня солдата.

– Да, пан.

– Что это?

– Оружие.

– Молодец, Оксана. А ты не видела, куда твой папа спрятал оружие?

Ну конечно, я прекрасно знала, что в доме оружия нет. Потому что слышала разговор папы с мамой, когда мама просила папу оставить ей пистолет, а он говорил, что от этого может быть только хуже. И сам пистолет тоже видела. Папа, приходя домой, всегда клал его повыше, где я не могла его достать...

– Нет, пан. Я вообще не видела у папы оружие.

– Ну конечно, Оксана, он тебе его не показывал. А папа часто вас навещает?

– Нет, пан... – я поняла, что разговор подошел к опасной черте. И что меня сейчас поймут на слове. И тогда нам всем будет очень-очень плохо...

– Я вообще не видела папу уже очень давно...

– Разве он не навещает свою маленькую дочку?

– Нет, пан... – каким-то чутьем я почувствовала, что сейчас самое время заплакать. Заставлять себя мне было не нужно – достаточно было подумать о маме... или о папе, но о нем сейчас думать было нельзя... и я заплакала.

– Пан, они поругались с мамой... и он ушел... это было очень давно...

– И с тех пор ты его не видела?

– Нет, пан.

– Хорошо... то есть плохо. Ладно, вставай.

Солдат приказал мне идти вперед с руками за спиной. Как была в ночнушке, я надела босоножки и вышла в подъезд. Выходя, заметила высунувшегося из-за двери командирского мальчишку, который скорчил мне довольную рожу и показал язык.

Меня посадили в машину, по бокам сели двое мужчин. Ехали недолго. В машине было тепло, да и вообще уже установилась теплая погода, но меня колотила крупная дрожь. Я боялась – да и кто бы не боялся на моем месте...

Мы остановились на площади Смольки, около известного уже всему городу здания управления НКВД. Меня вели по ярко освещенным коридорам. Несмотря на ночь, жизнь внутри здания кипела – ходили люди с папками, навстречу мне попало несколько арестованных, сопровождаемых такими же солдатами с винтовками наперевес.

Мы спустились в подвал. Лязгнул засов. Я не подозревала, насколько привычным станет этот звук для меня на многие годы вперед. Меня толкнули в спину, и я упала на холодный бетонный пол.

В камере было пусто. Две узкие деревянные лежанки вдоль стен и вонючее ведро в углу, закрытое крышкой. Я больно ударилась и ссадила колени. Дверь за мной закрылась с противным скрипом.

В камере было холодно. Под потолком ярко светила лампочка. Я села на лежанку, обняла битые колени и только тут дала волю чувствам. Я просто заплакала.

Плакала я долго. В гробовой тишине камеры мои всхлипывания звучали странно. Я плакала и ждала, что сюда же привезут маму – лежанки-то две. Однако дверь не открывалась.

Я знала, что произошло. Меня попросту «взяли». Как «брали» до этого десятки и сотни людей – жителей Львова. Мне всегда казалось, что этот кошмар пройдет мимо меня. Ведь мы с мамой не делали ничего противозаконного. Мы же не виноваты в том, что папа пошел в ОУН...

Тут я оборвала себя. Еще не хватало перекладывать всю вину на папу. Я бы тоже пошла в отряд ОУН, если бы меня взяли туда. И стреляла бы в русских... хотя это и грех...

Я попробовала задремать, но яркий свет и холод мешал это сделать. К тому же страшно захотелось есть и пить. Видимо, от нервов. А потом – и в туалет. И чем дальше – тем сильнее.

Через некоторое время я сообразила, что я тут явно не первая, и в туалет как-то ходят. Видимо, для этого предназначалось то самое ведро в углу. Проблема была в том, что ведро было закрыто грязной крышкой, и я физически была не способна взяться за нее рукой. На мне были только трусики, босоножки и ночнушка. Я долго ходила вокруг да около, потом извернулась и столкнула крышку ногой.

Никогда не думала, что столь простой и естественный акт может принести такое наслаждение...

А вот заставить себя закрыть крышку я так и не смогла. Забилась на лежанку в угол подальше от вонючего ведра, отодвинулась от ледяных стенок и стала дрожать от озноба.

Дверь открылась, когда я совсем замерзла и устала плакать. Русский солдат махнул мне головой – мол, на выход. Меня провели в красивый кабинет. Такие ковры и мебель я видела только в консерватории у мамы. В кабинете никого не было. Русский солдат толкнул меня на стул, стоявший посреди комнаты, а сам встал у дверей.

Невыносимо долго тянулось время. Здесь по крайней мере было тепло, но меня все равно била дрожь. Я слышала от людей, как страшно издеваются русские над арестованными, и мне было страшно.

Наконец скрипнула дверь, и вошел человек в очках, который был у нас в квартире. Увидев меня, он образованно улыбнулся, как будто я пришла к нему в гости. Опять заговорил польски:

– Ну, еще раз здравствуй, Оксана.

Я кивнула в ответ. Он сел за стол напротив меня и внимательно посмотрел мне в глаза.

– Оксана, я знаю, что твой папа – националист. И я знаю, что он бывает у вас дома. Расскажи мне, когда он был в последний раз, и я тебя сразу отвезу домой. Твоя мама уже рассказала мне все, и я ее уже отпустил.

Человек говорил мягко и убедительно. Мне хотелось есть, пить и спать. И хотелось поверить ему. Однако я точно знала, что мама никогда бы не рассказала ему ничего о папе. И никогда не оставила бы меня здесь одну.

– Пан, я ничего не знаю о папе. Я его очень давно не видела.

На этот месте я очень убедительно заплакала – просто вспомнив о том, как хорошо мы жили до прихода русских.

– Оксана, а откуда ты так хорошо знаешь польский язык?

– Пан, мы же его изучали в школе. И..., – я хотела сказать, что моя подруга – полька, но вовремя одумалась. Я не имела права называть ничьи имена. – И он простой, – неуверенно продолжила я.

– Русский язык ты тоже изучаешь в школе. Однако ты очень плохо на нем говоришь, – он показал мне бумажку, в которой я узнала мой табель за вторую четверть. Естественно, с тройкой по русскому.

Я промолчала. Человек вышел из-за стола, подошел ко мне и вдруг, схватив одной рукой за горло, наотмашь ударил другой мне по лицу. Я ахнула и зажмурилась. Из разбитых губ на ночнушку потекла кровь.

– Если будешь молчать, сука – я тебя буду бить. Поняла?

Я кивнула. Потом, спохватившись, сказала:

– Да.

– Значит, запоминай. Твоя мама – польская шпионка. Она заодно с твоим отцом-националистом. Мы ее посадим в тюрьму. И тебя – тоже. А если ты нам поможешь – мы тебя отпустим.

– Пан, моя мама – музыкант.

– И шпионка.

– Нет, пан...

Хлоп – еще один удар по лицу. Я инстинктивно дернулась.

– Да. Шпионка.

Я плакала взахлеб, а он бил и бил меня по лицу. Слезы и кровь текли мне на грудь, лицо онемело, я уже почти не чувствовала боли.

– Ладно. Иди умойся, – наконец остановился он и кивнул мне на раковину в углу кабинета.

Я вымыла лицо и заодно жадно напилась. Кровь все равно бежала, но уже не так сильно.

– Сидеть, – мужчина указал на стул. Теперь он сидел за столом, а в глаза мне бил яркий свет лампы.

– Итак, давай сначала. Имя?

– Чье?

Твое.

– Оксана.

– Фамилия?

– Янкович.

– Возраст?

Я назвала свой возраст.

– Ты ничего не путаешь? Ты выглядишь старше.

– Нет, пан.

– Хорошо. Национальность?

– Галичанка.

– Нет такой национальности! Нет! Надо говорить – украинка.

– Хорошо, пан. Украинка.

– Вероисповедание?

– Католичка.

– В каком году твоя мать продалась польской разведке?

– Что, пан? Какой разведке?

– Не ври! Если ты не признаешься – мы посадим тебя в тюрьму. На пятнадцать лет. Ты выйдешь оттуда старухой.

Я машинально посчитала – мне будет около тридцати. Не такая уж и старуха. И тут же ужаснулась – столько лет провести в мрачной камере...

– Пан, я не знаю ни про какую разведку.

– Хорошо. Сейчас ты подпишешь протокол допроса.

Он заскрипел ручкой. Я сидела, жмурясь от яркого света. Болело лицо, распухли губы. Страшно хотелось есть.

– На, подписывай, – он сунул мне листок.

Я плохо читала по-русски, особенно рукописные буквы, однако суть я поняла сразу. Там было написано, что я не знала о том, что мама была в польской разведке. Ничего страшного – но я поняла, что подписывать такое нельзя.

– Пан, я не могу это подписать.

– Что? Ты, сука...

Он вскочил, схватил меня за шею и сдавил ее железными пальцами. У меня поплыло перед глазами. Он швырнул меня на пол, с размаху ударил ногой в живот. От дикой боли я скрючилась, у меня перехватило дыхание так, что я даже не могла кричать.

– Ты, сука, подпишешь, или я тебя сгною в тюрьме!

Удар, еще удар. У меня что-то хрустнуло внутри. Господи, не бывает же так больно...

Он схватил меня за ночнушку, приподнял в воздух, так, что я повисла, болтая ногами. Поднес близко к своему лицу, зашипел:

– Сволочи, западники, ненавижу вас...

Бросил меня снова на пол, сел за стол, нажал кнопку звонка. Бросил появившемуся в дверях солдату:

– Увести.

Отправили меня не в ту камеру, где я была, а в общую. Открыв скрипучую железную дверь, бросили в толпу людей. Толпа не расступилась, мягко приняв удар на себя. Я сползла по чьему-то телу на пол. Кто-то подошел ко мне, пощупал пульс. Потом потрогал разбитое лицо.

– Доня, ты откуда? – спросил мягкий женский голос. Я приоткрыла глаза. Надо мной склонилась типичная галицийская крестьянка.

– Из Львова, – ответила я.

– А, я смотрю, худенькая какая. В деревне таких не бывает.

– Тут нет моей мамы? – спросила я в надежде.

– Не знаю, доня. Нас тут много. Смотри сама.

Я приподнялась и обвела камеру глазами. В полумраке увидела жуткую картину – в небольшой комнатке находилось несколько десятков женщин разного возраста, все избитые, изможденные, с потухшими глазами. Они сидели и лежали буквально друг на друге. Мамы среди них не было.

– За что тебя? – спросила сидящая недалеко девушка.

– Не знаю. Ни за что, – ответила я.

– Сильно били?

– Да.

– Да нет, если ходить можешь – значит, не сильно. Ты же еще школьница?

– Да.

– Вот гады, никого не жалеют. Сознаться сразу во всем, а то все равно признание выьют, еще и изуродуют.

– А если признаешься – в лагеря отправят. В Сибирь, – вмешалась женщина возраста моей мамы, с умным интеллигентным лицом.

– Лучше в лагерь, чем так, – убежденно сказала девушка. – А в чем тебя обвиняют?

– Говорят, что моя мама – польская шпионка.

– Тогда лучше сознайся. Все равно они ее заставят это подписать. А так целой останешься.

– Я не смогу. Это грех – так лгать про маму.

В камере раздался грустный смех. Потом кто-то из полумрака произнес хриплым страшным голосом:

- Лгать – это не грех. Вот так мучить людей – это грех.
- Тебя не насиловали? – спросила девушка шепотом.
- Нет... – испуганно ответила я.
- Значит, будут. Терпи.

Я в ужасе зажмурилась. Господи, этого я точно не вынесу. Вот этот скот... Меня, такую чистую и невинную...

Как выяснилось, спали в камере по очереди. Без очереди нары давали тем, кого приводили с допросов – избитых, окровавленных, иногда не способных идти самостоятельно. Меня тоже сразу положили на свободное место, хотя я и выглядела по сравнению с остальными очень даже неплохо. Страшнее всего было смотреть на еще не старую, но очень изможденную женщину с седыми волосами, у которой от лица осталась одна сплошная короста. Мне не верилось, что со мной могут сделать так же.

В камере почти все были взрослыми, только девушка, которая сразу заговорила со мной, была немного меня старше. Ее звали Мирослава, она только что закончила школу. Арестовали ее за то, что ее брат был в ОУН, и обещали расстрелять, если брата не поймают или он не сдастся.

Она все рассказала про брата после первого же допроса, однако ее все равно водили на допрос каждый день. Через некоторое время после того, как меня привели в камеру, ее опять забрали и втолкнули в камеру часа через два – бледную и не стоящую на ногах. Ей сразу уступили место рядом со мной. Она рухнула на нары, долго плакала, уткнувшись лицом в доски. Я сочувственно смотрела на нее. Свежих побоев на ней не было видно, поэтому я осторожно спросила:

- У тебя что-то болит?
- Опять ее насиловали, – за нее ответила какая-то женщина.

Мирослава молча кивнула.

– Всей толпой собираются, и по очереди... – продолжала женщина. Мирослава вздрогнула и зарыдала.

- Тихо вы, будете сейчас девчонке душу травить, – прикрикнул кто-то.

Я в ужасе замерла. О таком скотстве я даже не могла себе позволить подумать. А тут – наяву, вот она, лежит рядом...

Глава 5. 1940

Оксану не трогали еще три дня. Женщин уводили и приводили, кого-то забирали насовсем, кто-то появлялся новенький. А про нее как будто забыли.

Оксана освоилась в камере, хлебала жидкую баланду, сочувствовала возвращающимся с допросов – избитым и покалеченным. Утешала как могла красавицу Мирославу, которую русские таскали к себе каждое утро. Мерзла по ночам в своей ночнушке, обливалась холодным потом днем. Многие узницы были одеты так же, как и она – будучи арестованы посреди ночи.

На третью ночь вся камера проснулась от жуткого хрипа Мирославы. Она барахталась у стены, пытаясь судорожно дотянуться до пола ступнями ног. Ее сняли, успокоили, однако Оксана до утра слышала ее судорожные всхлипы. И про себя решила: случись такое с ней – она не будет будить всю камеру...

После бессонной ночи Оксану вызвали на допрос. На этот раз ее допрашивал культурный худощавый мужчина, похожий на учителя. Он опять спрашивал фамилию и национальность, а потом сказал:

– Ну все, Оксана. Мама твоя призналась во всем, теперь осталось признаться тебе.

– Как созналась? – растерялась Оксана.

– Вот так, – он придвинул к ней мелко исписанный листок. Мамин почерк она узнала сразу. Правда, он был очень неровный, как будто мама торопилась. Она писала, что состоит в польской шпионской организации, в той же, в какой состоит папа, и долгое время работала против русских.

Оксана долго сидела, тупо глядя на листок.

– Ну, прочитала? – наконец спросил следователь.

– Да.

– Тогда садись, пиши, что ты все знала про маму. И тогда тебя выпустят.

– Нет.

– Что нет?

– Не буду писать. Я ничего не знала.

– Понятно. Тогда мы тебя посадим как ее соучастницу.

– Я не буду писать.

– Хорошо. Увести.

Оксану опять кинули в камеру.

За эти дни она немного сдружилась с несчастной Мирославой. Они часто лежали вместе, обнявшись, и шептались о прошлых временах. Оксану еще несколько дней не трогали, зато Мирославу уводили каждое утро, и каждый раз она возвращалась, еле держась на ногах.

Мучимая страхами, Оксана как-то раз спросила у нее:

– Мира, это... сильно больно?

– Первый раз – сильно. А сейчас... это не больно, это мучительно. Они издеваются. Заставляют делать разные вещи, пихают туда разное...

– Господи, неужели он их не покарает?

– Не знаю, Оксана. Я знаю только то, что я так больше не могу.

В один из вечеров опять вызвали Оксану. На этот раз был ее первый следователь, который ее избивал. Разговор он начал сразу с крика:

– Это опять ты, сука! Я уже за тебя все написал – садись и подписывай быстро!

Он швырнул в нее листком и ручкой. Оксана прочитала написанное. Это было все то же признание в том, что она знала о маме и папе, о том, что они шпионы.

Она даже не стала ничего говорить. Просто съезжилась на стуле в ожидании побоев. Следователь медленно подошел к ней, смерил взглядом...

– Значит, запираешься, шлюха бандитская!

Удар! На этот раз он был каким-то чудовищно болезненным и жестоким, сзади по спине. Оксана застыла от жуткой боли, разливающейся внутри нее все сильнее и сильнее. Следователь захохотал:

– Ну, как, неприятно? погоди, это еще цветочки. Дальше будет хуже.

По его лицу было видно, что мучения девочки доставляют ему удовольствие. Он взял ее за волосы, поставил на ноги и сказал:

– Раздевайся.

«Вот оно», – подумала Оксана. И замерла в нерешительности.

– Раздевайся, я тебе сказал! – заорал следователь.

Оксана нерешительно потянула вверх ночнушку. Сняла, положила на стол.

– Сколько, говоришь, тебе лет? Не верю, – следователь схватил ее пальцами за соски и резко крутанул в стороны. Оксана закричала от резкой боли.

– Да тебя драть уже пора. Ну-ка, снимай трусы.

– Не надо... – пискнула Оксана.

Удар! Кулак, прилетевший ей в ухо, вышиб слезы и искры из глаз. Она рухнула на колени, понимая, что сопротивляться бесполезно. И тянуть время – тоже.

– Встань к стене, – скомандовал он. Она отвернулась, он тут же окрикнул:

– Лицом ко мне. Руки по швам!

Оксана встала к стене, вытянула руки вдоль тела. Лампа била ей прямо в лицо, она не видела ничего. Ей было ужасно стыдно – она впервые в жизни оказалась в такой ситуации. Кровь стучала в висках, ей казалось, что будет проще умереть.

– Вот, стой так, – сказал следователь откуда-то из глубины кабинета. – Сейчас я приведу солдат, и мы посмотрим, как ты запоешь. Будешь рассказывать?

Оксана всхлипнула. Она сама не заметила, как из ее глаз ручьями потекли слезы.

– Да или нет?

– Я ничего не знаю... пан.

– Я тебе не пан! Паны были в Польше! А сейчас вас освободила советская власть!

Оксана кивнула. Боль утихла, стыд охватывал ее все сильнее. Стоять обнаженной перед незнакомым мужчиной... она попыталась прикрыться, но следователь снова рявкнул:

– Смирно!

В кабинете наступило молчание. В темноте тихо скрипело перо. Минут через десять следователь наконец подошел к ней, скептически осмотрел ее с ног до головы. Провел рукой по ее животу, груди. Оксана внутренне сжалась.

– Красивая девочка. Даже страшно подумать, что с тобой сделают грубые солдаты. А ведь тебе просто надо подписать бумагу.

– Но... я не могу.

Следователь коротко ткнул ее носком сапога в живот. Оксана охнула, скрючилась от боли. Мучитель схватил ее за волосы, дернул вверх:

– Было сказано стоять!

Она с трудом выпрямилась, стараясь не смотреть ему в лицо. «Подписать, и будь что будет», – мелькнула в голове мысль.

– В общем, если не признаешься – это будет каждый день. А потом и еще кое-что, – многозначительно сказал следователь.

– Подпишешь?

Оксана промолчала.

– Ну как хочешь. А теперь иди. И думай.

Мирослава встретила ее с тревогой на лице. Первым делом она потрогала ее за низ живота, но Оксана отрицательно помотала головой. Она легла на нары рядом с Мирославой и неожиданно заснула под ласковые поглаживания девушки.

Когда Мирославу утром выводили на очередную пытку, она спросила у Оксаны:

– Который? В очках?

Оксана кивнула. Мирослава сжала губы, и ее глазах появилась какая-то обреченная решимость.

Больше ее не видели. Не видела Оксана больше и своего мучителя в очках. Ее вообще больше не допрашивали. Оксана подозревала, что Мирослава каким-то образом отомстила за нее и приняла мученическую смерть, но узнать ничего не могла.

Люди уходили из камеры – кто-то на допросы, кто-то навсегда. Приходили новые люди. А Оксана все сидела, став постепенно старожилкой камеры. Из первых обитателей через месяц осталась только интеллигентная пани Яжинка, та самая, которая уговаривала Оксану ни в чем не сознаваться. Правда, от прежней красивой и ухоженной женщины в ней ничего не осталось. Ее ежедневно водили на допросы, откуда она возвращалась вся черная от побоев. Она мало говорила, и если и открывала рот – то только для проклятий в адрес своих мучителей.

Оксане было противно на себя смотреть. Ночнушка, в которой ее арестовали, вся почернела от запекшейся крови и поистрепалась. Трусики были тоже черными от грязи. Она осознавала, что от нее страшно воняет, и только от одного этого ей хотелось повеситься.

Два раза их водили в баню. Баней назвать это было сложно – узкая бетонная клетушка с льющей из-под потолка холодной водой и пара обмылков на всех. Тем не менее для всей камеры это было просто счастье. Оксана успела не только помыться, но даже немного постирать одежду. Конечно, пришлось натягивать ее мокрую на голое тело, но даже это было для нее теперь блаженством.

В камере обычно молчали. Новички сначала нервно разговаривали, рассказывали об аресте, побоях, но после первых двух-трех допросов замолкали и молча страдали. Иногда обсуждали, что будет дальше. Все сходилось на том, что, скорее всего, отправят в Сибирь, в страшные холодные лагеря на лесозаготовки.

Общее мнение изменила арестованная в середине лета пани Ядвига, преподавательница из университета. Она рассказала, что всех арестованных или расстреливают где-то в лесах, или отправляют на строительство дорог и заводов здесь же, в Украине. Ее саму арестовали за то, что она обсуждала это со своими студентами. Видимо, кто-то из студентов донес на нее.

Постепенно у Оксаны сложилось впечатление, что о ней просто забыли. Теперь ей казалось, что пусть уж лучше лагерь, чем камера, набитая людьми, пахнущая потом, кровью и испражнениями. К своему ужасу, не избежала она и вшей. В ее длинных волосах они нашли хорошее убежище. Оксана уже сотню раз пожалела, что не согласилась на уговоры Кристины сделать модную короткую стрижку. А здесь, в камере, не было ни одного острого предмета, чтобы обрезать волосы покороче.

Теперь по ночам она мучилась не только от холода, но и от укусов насекомых. Расчесанная и немытая голова постепенно покрылась струпьями, на руках появилась какая-то инфекция, от которой образовались коросты, сочащиеся кровью. Она сама похудела так, что живот ввалился почти до позвоночника.

Наконец из распахнувшихся дверей раздался голос:

– Янкович! На выход, с вещами.

Оксана за это время настолько отвыкла от своей фамилии, что сначала рефлекторно обвела камеру глазами – кого опять вызывают. С вещами – означало, что человек не вернется. Или расстрел, или лагерь, или – отпустят. Если из этих застенков кого-то отпускают.

И только через несколько секунд затянувшегося молчания она поняла, что все смотрят на нее точно таким же взглядом, каким она смотрела на окружающих. И что вызывают именно ее.

Она попыталась сообразить, какие вещи брать с собой. От Мирославы остался кунтуш, которым она укрывалась по ночам. Секунду поколебавшись, она решила его взять с собой. Мало ли в каких условиях ей придется быть дальше – если придется.

Ее привели в какой-то другой кабинет. Незнакомый следователь снова спросил ее фамилию, имя, год рождения и национальность. Потом замолчал, заполняя какие-то бумаги.

– Итак, Оксана, что ты знала о шпионской деятельности своих родителей?

– Я ничего не знала, пан.

– Хорошо, Оксана. То есть плохо, конечно. Итак, я пока отпускаю тебя. Сейчас ты поедешь в детский дом. Тебе запрещено выезжать из города. Если ты увидишь своего отца – ты обязана сразу придти сюда и сообщить об этом. Если ты все это не сделаешь – мы тебя отправим в тюрьму. На этот раз надолго. Поняла?

У Оксаны перехватило дыхание.

– Поняла, спрашиваю?

– Да, пан.

– Паны были при Пилсудском. Сейчас граждане.

– Да, пан.

– Ладно, иди, черт с тобой. Вот тебе справка, носи ее всегда с собой.

Оксана схватила бумаги, рванулась к двери. Потом остановилась, нерешительно спросила:

– Пан, а как же моя мама...

– Хм. Мама? Я думаю, что ты ее еще очень долго не увидишь.

– А где она, пан?

– Где, где... не знаю. Все, иди. Тебя проводят. Справку об освобождении держи, а то...

Солдат отвел ее к выходу и передал какому-то русскому дядьке, смешному, с животиком и в очках. Тот посмотрел переданные с ней бумаги, вывел на улицу и посадил в автобус. Там сидело еще несколько человек – таких же, как она. Вернее, нет – сначала она со страхом посмотрела на эти истощенные лица, ввалившиеся глаза. Потом перевела взгляд на окно, в котором отражалась незнакомая ей старуха с лицом, напоминающим череп, обтянутый кожей, с редкими всклокоченными волосами, коростами на коже... с ужасом поняла, что видит себя.

Детский дом представлял собой двухэтажное здание с крепким железным забором. Как сообразила Оксана, глядя из окна автобуса на забытые улицы – где-то в районе доминиканского костела на Старопогеевской. Автобус заехал внутрь ограды, всех детей – около 15 человек – вывели наружу и сразу отвели стричься.

Оксана не успела даже опомниться, как противно жужжащая машинка обстригла ее наголо. Еще минуту назад она с оторопело смотрела на свое гротескное изображение в зеркале и с размышляла о том, как теперь отмыывать все эти коросты и выводить вшей из длинных, слипшихся волос – и вот на нее уже смотрит что-то совершенно лысое, черное от грязи, скорее похожее на восьмидесятилетнего старика, чем тринадцатилетнюю девушку.

Она открыла было рот, чтобы запротестовать – но поняла, что уже поздно.

Затем какая-то толстая тетка намазала ей всю голову керосином и заставила сидеть так полчаса. И наконец-то всех девчонок загнали в душ, где была настоящая горячая вода и мыло, и можно было мыться сколько хочется.

Выйдя из душа, Оксана не нашла своей одежды. Впрочем, сейчас, после душа, она под страхом смерти не влезла бы в одежду, в которой провела столько дней в камере. Но другой одежды тоже не было.

Та же самая толстая тетка махнула ей рукой на дверь – иди туда. Оксана вышла в другую комнату и инстинктивно отпрянула назад – перед ней за столом сидел тот самый толстый дядька, который встретил ее на выходе из управления НКВД.

Она рефлекторно прикрылась руками, но дядька строго прикрикнул:

– Ну-ка, руки по швам!

Она опустила руки, медленно краснея под его пристальным взглядом.

– Ладно, третий сорт – не брак, – наконец непонятно сказал он. – Иди, одевайся, – он кивнул не другую дверь.

Оксану привели в ужас смешные длинные панталоны не по размеру, которые ей дали надеть вместо трусиков, и лифчик из грубого полотна, в котором утонули бы две таких девушки, как она. Однако делать было нечего. Зато все было чистое и даже поглаженное.

Простая перловая каша, миску которой ей навалили в столовой, показалась райским блюдом после тюремной баланды. Съев большую чашку, она поняла, что проваливается в сон, прямо сидя на стуле...

Глава 6. 1940

Никогда не забуду мерзкого голоса директора детдома. Прогуливаясь вдоль строя, он смотрел на нас презрительным взглядом и говорил:

– Запомните – вы все ублюдки, дети шпионов и вредителей. Ваше место – в тюрьме, а советское государство дает вам дом и еду. Вы должны быть благодарны за то, что вас всех не посадили вместе с вашими родителями, как вы того заслуживаете. За это вы должны соблюдать дисциплину. Вам запрещается делать что-либо без команды, вам запрещено лежать днем, вам запрещено играть, читать, разговаривать, гулять в неположенное время. Если вы выйдете за ограду – вас в тот же день отправят обратно в тюрьму. Запомнили?

– Да, – нестройными голосами ответили мы.

– Не слышу! Отвечать надо хором, громко и четко: так точно. Ну-ка, еще раз!

– Так точно.

– Ну вот, уже более-менее. Я выбью из вас эту панскую расхлябанность.

Такое построение было каждое утро. Заспанных, не успевших одеться, нас выгоняли во двор и долго рассказывали всякую чушь.

Вообще-то в детдоме было неплохо, особенно в сравнении с тюрьмой. Нас тут было человек пятьдесят – мальчишек меньше, девчонок больше. Здесь по крайней мере не били, кормили и раз в неделю водили в душ. Правда, не выпускали за ворота. Причем не выпускали категорически, под страхом отправки обратно в тюрьму.

Я страдала от неизвестности, от того, что не знала, где мама, что с нашей квартирой. Не понимала, где мы будем учиться с наступлением осени. Мне не хватало подруг – Кристины и Али.

С девчонками из детдома у меня сложились очень странные отношения. Они были запуганы, никому не верили и всего боялись. Да и я сама была примерно в таком же состоянии. Я не могла даже просто так с кем-нибудь заговорить, а директора вообще боялась больше смерти.

Особенно меня пугало его непонятное любопытство. Каждый раз после душа все девчонки по одной заходили голыми в специальный кабинет, где директор смотрел на них – просто смотрел и отпускал. Многие девчонки пережили в тюрьме такое, что уже не стеснялись стоять раздетыми перед мужчиной, однако непонятность ситуации делала эту процедуру какой-то низменной и неприятной.

Очень часто он заходил к нам в спальню тогда, когда мы ложились спать. Спать мы были обязаны только на спине, с руками поверх одеяла. Как-то раз, зайдя рано утром в спальню, директор увидел, как две девочки-сестренки спят вместе. Они просто замерзли. Директор поднял весь детдом прямо в пять утра, вывел нас на улицу в том, в чем мы спали – в трусиках и лифчиках – и около часа ругался. А потом отправил сестренку в наказание дежурить на кухню, на целую неделю.

Мальчишек мы сторонились. Все мальчишки делились на две группы – нервных и озлобленных, которых сторонился даже директор, и забитых, покорно съеживающихся при каждом крике. У мальчишек была какая-то своя жизнь, свои отношения, иногда они даже дрались между собой.

К концу лета я отъелась и похорошела. Струпья прошли, волосы немного отросли и превратились в симпатичную короткую стрижку. Немного улучшилось и настроение. Я старалась забыть все то, что пережила в тюрьме, хотя окружающие меня дети не давали отвлечься от этих мыслей.

Перед самым началом учебного года к нам привезли новую партию детей. Мы с ужасом смотрели на эти скелеты – обтянутые кожей, покрытые рубцами и гнойниками. Еще совсем недавно мы были такими же. Сразу после того, как ребята прошли санобработку, мы, не сго-

вариваясь, начали за ними ухаживать – смазывать раны теми скудными средствами, которые у нас были, кормить и пытаться разговаривать.

К нашему удивлению, среди новеньких оказались не только польки, галичанки и украинки, но и две русские девчонки. Беленькие, голубоглазые, лет по пятнадцать, они резко выделялись среди нас. Они не хотели разговаривать с нами, беспрерывно рыдали и прятались во все углы. После долгих расспросов мы наконец выяснили, что они – дочери русских офицеров, которых арестовали за шпионаж вместе с семьями. Девчонки сидели в тюрьме почти год. Дня через три, утолив голод и отоспавшись, они немного оттаяли и наперебой начали рассказывать об ужасах тюрьмы. Впрочем, удивить нас было сложно – почти каждый из нас прошел через то же самое, если не хуже.

Больше всего эти девчонки негодовали, что так плохо обращались именно с ними, с русскими, свои же русские. Меня больно кольнуло, когда они это сказали, хотя я и понимала, что это – не от большого ума. Наверное, попади я по каким-то причинам в руки ОУН, меня бы тоже задело, если бы со мной обращались плохо. Но ведь они должны были понимать, что пришли как оккупанты в чужую страну, и что их не обязаны здесь любить.

Одна из русских девчонок, Марина, сразу рассказала все, что от нее просили, сразу же после первого допроса. Она очень боялась боли и в страхе перед побоями подписала все бумаги, которые ей давали следователи. Когда ее отпускали из тюрьмы, следователь ей сказал, что благодаря ее помощи им удалось раскрыть целую организацию, и что ее родителей расстреляли как врагов. Теперь она все время казнила себя тем, что сама подписала приговор своим родителям, тем более что избиений ей все равно не удалось избежать.

Вторая девчонка, Светлана, держалась несколько допросов, но когда ее изнасиловали сразу несколько солдат, она тоже подписала все бумаги. После этого она хотела повеситься в камере, но ей не дали соседи. Самое ужасное было то, что ее еще несколько раз насиловали, и она забеременела. Правда, никто об этом пока не знал, у нее был срок всего два месяца, и нам, девчонкам, она рассказала об этом под страшным секретом.

Мы были в шоке. Впервые мы видели так близко то, о чем даже взрослые говорили шепотом. Девчонка оказалась в очень сложной ситуации – одна, без родных, в совершенно чужом городе и чужой стране, и с будущим ребенком.

Впрочем, похоже, эта ситуация больше беспокоила нас, чем ее. Она не была католичкой, она вообще не верила в Бога и думала не о том, как родить ребенка, а как избавиться от него и избежать неприятностей.

Светлана была очень красивой – высокой, с длинными (пока ее не подстригли) волосами. Несмотря на беременность, она все время бегала к мальчишкам и больше общалась с ними, чем с нами.

С началом учебного года ничего не изменилось. Нас не отвели в школу, и детдом сразу притих, чувствуя недоброе. Правда, директор объяснил это просто – за нами нужен строгий надзор, мы все ходим в разные классы, и поэтому нас не могут зачислить в обычную школу.

Вместо школы нас заставили работать. В детдом привезли швейные машинки и станки. Теперь каждый день после завтрака все девчонки отправлялись кроить и шить белье, которое раз в месяц увозили на грузовике, а мальчишки точили какие-то железки.

Я мечтала о школе, о том, что смогу выйти за железные ворота и встретиться с подругами, зайти домой, может быть, передать весточку папе... Теперь оказалось, что мы тут почти как в тюрьме.

Из всех девчонок мы больше всего сошлись с Ольгой – наверное, потому, что она была из моей школы, правда, на два класса старше. Ее тоже арестовали вместе с родителями, она даже не знала, за что. В тюрьме она провела всего месяц, ее почти не били, и поэтому была не такой напуганной, как остальные.

Мы придумали какую-то дурацкую причину для того, чтобы оказаться на соседних кроватях, и теперь все время по ночам шептались друг с другом. Впрочем, шептались все – кто-то о том, что пережил в тюрьме, кто-то о прежней жизни, кто-то о мальчишках. Некоторые девчонки даже умудрились влюбиться здесь, в детдоме, и теперь вдохновенно страдали из-за этого.

Как-то раз Ольга сказала мне, что русская Света проболталась ей о том, что мальчишки по ночам бегают в город. Меня это удивило – спальня мальчишек находилась на втором этаже, а наша – на первом. Пробраться незамеченным мимо охранницы у дверей было нереально. Тем не менее я загорелась идеей – сбегать в город, повидать хотя бы Алюю.

В городе уже не было военного положения, как в первые месяцы после прихода русских, поэтому афера могла оказаться практически безопасной. Вопрос был только в том, как подкатиться с такой просьбой к мальчишкам. Все-таки я была девчонкой, и вовсе не спортивного склада.

Несколько дней я ходила как чумная, одержимая этой идеей. Тем временем к Львову начала подкрадываться ранняя осень. Листья каштанов и буков окрасили город в праздничные тона, навевая воспоминания о том, как мы гуляли в такую пору с мамой и папой по парку...

После долгих размышлений я вычислила, кто у мальчишек является заводилой. Длинный парень с нервным, но красивым лицом, никогда не ввязывавшийся в драки, свысока смотревший как на взрослых, так и на детей. Ольга сказала мне, что его зовут Петро, и он чуть ли не единственный среди мальчишек, кто попал в тюрьму не из-за родителей, а по подозрению в участии в ОУН.

Я не решалась подойти к нему со своим, как мне казалось, дурацким вопросом. Проще всего было это сделать через Свету, которая хороводилась с мальчишками, однако и с ней у меня отношения складывались не очень.

Помогла случайность. У меня сломалась машинка, что было вообще-то серьезным нарушением, за которое наказывали. Чтобы не говорить воспитателям, я сломя голову помчалась к мальчишкам и рассказала про свою беду. Наладить вызвался Петро.

Был уже конец рабочего дня, девчонки расходились, и вскоре мы с Петро оказались вдвоем в мастерской. Ну, пан или пропал – я должна была это сделать.

– Петро, я хотела тебя попросить...

– Ну, чего тебе?

– Мне надо в город.

– Ха. Всем надо. Иди, я разве тебе мешаю.

– Петро. Мне действительно надо. Очень.

– Ну а я тут при чем?

– Я знаю, что вы туда ходите...

– Откуда знаешь? Кто сказал?

– Не помню, – я поняла, что могу серьезно позвонить Свете и Ольге. За стукачество расправа была короткой.

– А если тебя поймут – ты всех нас заложишь, да?

– Петро... как ты можешь. Я даже в тюрьме ничего не сказала.

– Ну в общем-то да, про тебя хорошо говорили...

Он замолчал. Я молчала, у меня тряслись руки, из глаз вот-вот были готовы хлынуть слезы.

– Ну ладно. Завтра. Только ты будешь у меня в долгу, – многозначительно посмотрел он на меня.

Я захлопала глазами. Что он имеет в виду? Впрочем... вряд ли он сделает что-то плохое. Он же наш.

– Хорошо. Куда и во сколько?

– Придешь в мужской туалет. В час ночи.

– Ладно... – озадаченно сказала я.

– Все, а теперь иди, чтобы нас вместе не видели. И запомни – никому ни слова.

Я не помнила, как прошли сутки. Я ничего не сказала Ольге, но она, похоже, все поняла по моему виду. И ничего не спрашивала. Вечером, после ужина, она сунула мне в руку клочок бумажки:

– Позвони, если сможешь. Спроси, как там что...

На бумажке был написан телефон. Уже вечером, перед сном, ко мне подошла Света. Она пристально посмотрела на меня, потом показала глазами на дверь.

Я вышла. Она прижалась ко мне и жарким шепотом сказала:

– Заложить ребят – убью. На, тебе пригодится.

Она сунула мне в руку бумажку. Это была синяя пятирублевка – не маленькие деньги. Таких мы не видели в детдоме. Да они и не нужны были нам – тратить их все равно было негде.

– Спасибо... Света, – сказала я, озадаченная противоречивым ее поведением.

– Ни пуха тебе.

Я не знала, что отвечать на это странное русское выражение и просто поцеловала ее в щеку.

Ровно в час я уже стояла около мужского туалета на первом этаже, в нерешительности глядя на дверь. Мои многочисленные комплексы не давали мне зайти туда, но...

Я решила, взялась за ручку, потянула на себя. В туалете никого не было. Я походила вдоль унитазов, потом присела на подоконник. Боже, а вдруг какой-нибудь непосвященный в нашу затею мальчишка зайдет сюда? Меня опозорят на весь детдом.

Я подумала, все ли сделала как надо. Идти пришлось в одном платье, куртку, укараденную вечером в раздевалке, я уложила свернутую под одеяло. Это мало напоминало спящего человека, но в полумраке могло и сойти с рук. Пришлось оставить и тапки перед кроватью, а до туалета идти по холодному полу босиком, неся босоножки в руке.

Бесшумно приоткрылась дверь. Я вздрогнула. В туалет протиснулся Петро. Увидев меня, он одобрительно кивнул, потом озадаченно посмотрел на платье.

– Да уж. В платье-то как? – прошептал он.

– А почему нельзя? – спросила я.

– Ну там же лезть надо... Ладно, задерешь повыше.

Я покраснела. Несмотря на то, что нас иногда строили во дворе в панталонах и лифчиках прямо при мальчишках, возраст давал себя знать – я жутко стеснялась даже приоткрытых коленок, не говоря уже о другом...

– Я все равно пойду, – решительно сказала я.

– Ладно, пойдешь, успокойся.

Он сел рядом со мной, достал сигарету и закурил. Я не любила дым, но сейчас мужественно терпела.

Через несколько минут один за другим в туалет вошли еще несколько мальчишек. Петро загасил сигарету, выкинул ее в унитаз, тщательно смыл и сказал мне:

– Ровно в 6 утра ты должна быть на месте. Опоздаешь – больше не пойдешь. И прикрывать тебя мы не будем. Ясно?

– Ясно.

– Если попадешься патрулю или милиции – говори, что мама отправила за лекарствами в аптеку. Если заберут – скажешь, что сбежала сама из детдома, нас не выдавай.

– Хорошо.

– Все, пошли. Ты идешь вторая.

Он приоткрыл окно, мы перелезли через подоконник и, пригнувшись, побежали на хозяйственный двор. Стояла кромешная темнота, на небе были тучи, и поэтому не было видно ничего.

В узкой щели между сараем и забором все остановились. Петро пошарил в темноте и стащил откуда-то небольшую металлическую лесенку. Приставив ее к забору, он испытующе посмотрел на меня:

– Спрыгнуть сверху сможешь?

– Да.

– Прыгай на меня, я тебя поймаю.

Лестница едва доставала до середины забора. Петро забрался до верха, подтянулся на руках, осторожно встал между заточенными остриями металлических стержней, торчавших по верху забора, и мягко спрыгнул вниз. У меня учащенно забило сердце. Конечно, еще год назад в деревне я лазила и не по таким заборам – но сейчас мне стало страшно, что я сделаю что-то не так и провалю всех.

Я легко забралась по лестнице, дотянулась до верхней перекладины забора и попыталась закинуть на нее ногу. Сразу же поняв фразу Петро насчет платья – даже в такой темноте мои белые панталоны наверняка были видны как на ладони всем стоящим внизу.

Попытка удалась только с третьего раза. Обдирая руки о прутья и чувствуя боль в мышцах живота, напряжением всего тела я выбралась на верх забора и замерла, с опаской глядя на острия прутьев. Стоило чуть-чуть потерять равновесие – и повиснешь на них, зацепившись в лучшем случае одеждой, а в худшем... нет, про это нельзя думать.

Далеко внизу была видна земля и голова Петро. Прыгать? Господи, как высоко-то... и еще эти босоножки, у них хоть и небольшой, но все-таки каблук, совершенно не предназначенный для десантных операций...

Я пошатнулась, охнула и, чтобы не упасть ничком, прыгнула вниз. Не успела испугаться, как оказалась в крепких объятьях Петра. По-моему, он поймал меня на лету, не дав даже коснуться земли. Я замерла. Он – тоже. Я висела у него на руках, охваченная непонятным для меня ощущением мужской силы. Мне почему-то не хотелось больше никуда идти...

Впрочем, миг сказки быстро кончился. Петро поставил меня на землю, прошептал:

– Ты молодец.

Похвала из уст этого вчера еще малознакомого мальчишки оказалась для меня как бальзам. Я даже глупо хихикнула, вызвав ответный негодующий взгляд с его стороны.

Мальчишки попадали рядом с нами один за другим. Петро просунул руки сквозь прутья решетки и убрал лестницу.

– Все, расходимся. Не забываем – ровно в шесть!

Мальчишки исчезли, как будто их и не было. Я осталась одна в пустынном даже днем переулке.

Ну и что мне теперь делать?

Идти домой? Без ключа? Впрочем, нет, ключ есть у Кристины, мама оставила его ее отцу, когда начались репрессии, чтобы ему было где спрятаться в случае чего, и забыла забрать, когда к нам поселился русский офицер.

Идти к бабушке в деревню? Это был бы лучший вариант, однако я понимала, что меня там найдут, если, конечно, начнут искать. Да и в детдоме начнется переполох – наверняка усилят контроль, и походы в город для мальчишек прекратятся. Побег к бабушке нужно было тщательно подготовить, так, чтобы не начали искать, и никого при этом не подвести.

Уйти в леса, к папе? Тоже неплохой вариант... у меня даже зачесались руки от воображения, как я стреляю по русским чекистам... Но вот где в лесу искать папу? Лес большой, а я голодная и плохо одета...

Ладно. Сначала к Але, а там посмотрим.

Я не очень хорошо ориентировалась в этой части Львова, хотя это и было недалеко от центра. Проще всего было выйти на старую рыночную площадь или на Кафедральную, но это самый центр, освещенный, с патрулями и милицией. Бледную девочку с короткой стрижкой и в неказистом платье приметят сразу. Придется идти задворками.

Скажу честно – было страшно. В полной тишине ночного города босоножки громко цокали по мостовой. Пару раз встречался милицейский патруль, но я вовремя слышала стук их сапог и пряталась в подворотнях.

Вот и наша улица. Вот и мой дом. В окнах – ни огонька, да и откуда им быть в это время. Я с трудом сдержала желание зайти в подъезд и позвонить в дверь.

Вот и дом Али. Я открыла калитку, зашла в знакомый с детства двор. Слава Богу, что родители Али так и не завели собаку. Подошла к окошку, тихонько постучала. Раз, другой... господи, хоть бы она была дома, хоть бы ее не арестовали.

Отдернулась штора. Я вдруг поняла, что меня не видно в темноте. И что я сильно изменилась – вместо длинных волос короткая стрижка.

Надо было взять спички. Ладно, была не была.

– Аля, это я, Оксана, – громким шепотом сказала я, в надежде, что она услышит меня через приоткрытую форточку.

Внутри раздался негромкий вскрик. Потом открылось окно, и я отработанным годами движением оказалась у Али в комнате.

Мы обнимались и разговаривали до утра. Новостей было немного, хороших среди них – еще меньше.

Когда нас арестовали – то в школе сообщили, что мои родители шпионы, что мы все арестованы и посажены в тюрьму. Алю и Кристину тоже допрашивали, но они ничего не сказали. Мама Кристины ходила к нам домой, чтобы забрать вещи, но ее не пустили даже на порог.

В школе арестовали еще нескольких человек, в том числе и тех мальчишек, которые были связаны с ОУН. В городе тоже шли аресты. Появилось много военных, особенно летчиков. Алиного отца тоже забирали в НКВД, но быстро выпустили, правда, так избили, что он чуть не умер.

Аля сказала, что она слышала, что всех арестованных отправляли строить дорогу до Могилева. Возможно, что и моя мама тоже там. Мы с ней обе в этот момент подумали об одном, но не сказали. О том, что мамы уже могло и не быть. Нет, наверное, я бы это почувствовала...

Время пролетело мгновенно. Рассвело, мне надо было идти. Уже под утро в комнату тихонько зашла мама Али. Поцеловав меня, она сунула мне сверток и молча вышла. Оказывается, она все слышала.

Аля вылезла в окно со мной. Как она сказала, мне будет безопаснее идти вдвоем. Мы шли медленно-медленно, оттягивая миг расставания. Однако детдом показался слишком быстро...

Аля с интересом посмотрела на ожидающих нас мальчишек. Я не спросила у нее самого главного – появился ли у нее какой-нибудь парень. Хотя с ее строгими родителями она могла только вздохнуть издалека – вера не позволяла ей близко общаться с католиками.

Мы крепко обнялись и обе заплакали. Напоследок я попросила Алю забрать ключи от нашей квартиры у Кристины. Крис жила в большом доме, и посреди ночи приходить к ней было бы опасно. Я не знаю, на что я надеялась, но все-таки...

Глава 7. 1940

В течение октября Петро еще три раза брал Оксану с собой, постоянно напоминая, что она у него в долгу. Оксана каждый раз подходила к двери своей квартиры, долго стояла перед ней, а потом бежала к Але. Один раз Аля позвала к себе ночевать Кристину, чем несказанно обрадовала Оксану.

Она каждый раз приносила в детдом вкусные булочки, которые ей давала мама Али. Правда, на всех девчонок хватало от силы по половинке, но после скудного детдомовского пайка и это было наслаждением.

В ноябре стало холодно, и Оксана не рисковала уже путешествовать по ночам в тоненьком платье. Впрочем, и она, и все девчонки были озабочены проблемой со Светой, у которой заметно округлился живот. Нужно было что-то делать. Сама Света в отчаянии хотела повеситься, но все девчонки договорились везде ходить за ней, не давая ей оставаться одной.

Самое плохое заключалось в том, что Свете даже некуда было сбежать. Ближайшие ее родственники жили в Москве, и она не видела их с детства. Оставалось единственное – сознаваться директору. Удивительно было еще, как директор не рассмотрел Светин живот на своем систематическом осмотре после душа. Впрочем, из душевой Света всегда выходила последней, и, как предполагала Оксана, каким-то образом умудрялась избегать унижительного разглядывания.

Впрочем, в отношении директора у Оксаны вскоре открылись глаза. Вообще-то девчонки, как правило, были друг с другом откровенны, но некоторые вещи рассказывали не всегда. В частности, то, что именно с ними делали в тюрьме. Это была запретная тема, которая обсуждалась только с близкими подругами. Где-то в сентябре Оксана заметила, что красивая и взрослая девочка Стася, приехавшая в детдом еще до них, частенько плачет по вечерам и вообще ведет себя странно. На все расспросы она молчала. Девчонки терялись в догадках. Потом то же самое начало происходить и с другой девочкой, Ксенией. Она была немного старше Оксаны, но выглядела гораздо взрослее.

Оксана начала кое-что подозревать, когда, выходя вечером из туалета, увидела идущую по коридору Стасю. Стася шла из того угла, где был вход в директорский кабинет. И больше ниоткуда она идти не могла. Оксана дождалась, пока Стася поравняется с ней, и как бы невзначай спросила:

– Что, вызывал, что ли?

Реакция Стаси была неожиданной. Она покраснела, кивнула и, быстро отвернувшись, ушла в комнату.

Озадаченная Оксана дождалась, когда в один из вечеров из комнаты незаметно исчезнет Ксения. Затем вышла в туалет. Сняла в туалете тапочки и босиком, тихонько, прошла мимо комнаты в конец коридора, где за поворотом был кабинет директора – святая святых, в которую был запрещен вход всем, включая воспитателей. Прислушалась к звукам за дверью. Подошла поближе, прильнула к замочной скважине и едва не ахнула от изумления.

В кабинете были директор и Ксения. И они...

Оксана второй раз в жизни наблюдала ЭТО. Кровь бросилась ей в лицо. Господи, так вот зачем он рассматривает их после душа! Он выбирает себе жертву...

Оксана, с пылающими щеками, осторожно встала, вернулась за тапочками и вызвала из комнаты Ольгу. Видимо, на лице у нее было написано что-то совершенно необычное, так как Ольга даже не стала ничего спрашивать, а молча побежала за ней в туалет – место всех секретных переговоров.

– Оля... там... в кабинете директора...

– Что там?

– Там... директор... и Ксения... ну, это...

– Что? Это? – более простая в воспитании Ольга сделала руками неприличный жест.

– Ага. Ты представляешь... наверное, и Стася тоже. Я видела, как она от него выходила...

– Ничего себе. Вот козел-то где...

– Ужас.

Девчонки замолчали, оценивая ситуацию и невольно примеряя ее к себе.

– Оля... – Оксана попыталась сформулировать мучивший ее вопрос: – А если он так всех... и нас?

– Нет... я его просто убью...

– Может, мальчишкам сказать?

– Чтобы они его... того? – Оля провела рукой по горлу.

– Ага.

– Не знаю... а вдруг их после этого в тюрьму отправят? И нас заодно?

– Боже... как вот так жить-то? Представляешь, как он девчонок мучает? Тут еще со Светой такое...

В туалет заглянула воспитательница. Увидев нас, она с ходу начала орать:

– Это что такое! Ну-ка, марш в спальню! Устроили тут переговорный пункт!

Девчонки побежали в спальню.

Они шептались до середины ночи, но так и не придумали, что сделать, чтобы обезопасить себя и других девчонок от домогательств директора.

Наутро невыспавшаяся Ольга в умывалке шепнула Оксане:

– Я придумала.

– Ну?

– Надо, чтобы девчонки пожаловались на директора.

– Кому?

– Ну, не знаю. Какому-нибудь их начальству.

– И что? Он от всего отопрется. Кому поверят-то, ему или бывшим зэчкам?

– Но они же... – Ольга замялась.

– Ты о чем?

– Ну, невинность там...

– Ага. Он скажет, что им в тюрьме...

– Да, точно...

Оксана сломала голову над всеми проблемами. Больше всего ей хотелось убить директора и сбежать к отцу. Ей казалось, что все вопросы в этом случае разом снимутся.

Все решилось неожиданно просто и страшно. В один из дней Свету вызвал к себе директор. Ее не было несколько часов. Вернулась в спальню она вся опухшая и заплаканная, и сразу упала без сил на кровать.

Немного придя в себя, она рассказала взволнованным девчонкам, что директор заподозрил неладное, вызвал ее к себе, долго расспрашивал, а потом раздел и осмотрел. Не нужно было быть семи пядей во лбу, чтобы понять, что Света беременна. Все оставшееся время директор ругал Свету, хлестал по щекам и говорил, что она подвела и его, и весь детский дом. Из-за ее развратного поведения его теперь уволят, а детдом расформируют.

Света была вне себя и проплакала весь вечер и всю ночь. Утром девушки пошли в мастерскую на работу. Все, кроме Светы, которая лежала в постели как мертвая. Ольга попыталась остаться с ней, однако воспитательница заставила ее идти со всеми.

Весь день у Оксаны было тяжело на душе. Да и остальные девчонки переживали сложившуюся ситуацию. Света не пришла и на обед. В спальне, куда кое-кто из девчонок успел заглянуть, ее тоже не было. Не было видно и директора, который в обычный день любил совать свой нос куда надо и не надо. Очевидно, вчерашнее разбирательство продолжалось.

Вечером Света появилась поздно. Она пришла в спальню в блузке, сильно залитой кровью. Ее лицо было еще более опухшим, чем вчера. Кровь, видимо, шла из носа, так как повреждений на ней не было видно.

Света даже не стала ничего говорить. Просто легла и отвернулась к стене.

Утром она исчезла. Сначала девчонки подумали, что она в туалете или в умывалке, однако там ее не оказалось. После этого у всех появилась одна, оставшаяся невысказанной, мысль – что Света попросту сбежала. Это, конечно, был не лучший выход, так как у нее не было никого знакомых в городе, однако это было лучше, чем оставаться в этой полу-тюрьме.

Света оказалась в мастерской. Она висела на сплетенном из ткацкой тесьмы шнуре, привязанном к крюку для люстры. Ольга, вошедшая в мастерскую первой, только ахнула и замерла в дверях, не пуская никого дальше. Оксана, шедшая следом за ней, увидела всю картину как на ладони.

Необычайно вытянувшаяся шея Светы была криво перехвачена петлей, оставившей синюшный след на коже. Оксана с ужасом смотрела на высунутый и прикушенный язык, на вытаращенные в смертельной гримасе глаза, на посиневшие пальцы, вцепившиеся в петлю в последней попытке растянуть ее. «Вот она, смерть», – подумала она и про себя тут же решила, что никогда, ни при каких обстоятельствах, не будет вешаться.

Оксану толкнули в спину девчонки, не понявшие, что произошло. Она толкнула Ольгу. И они обе влетели в мастерскую, оказавшись прямо перед трупом повесившейся Светы. Неприятный запах шибанул в нос Оксане. Она увидела под ногами Светы лужицу мочи и судорожно сглотнула, останавливая подступающую тошноту. Затем, подняв глаза, посмотрела на выпирающий живот и перекрестилась, подумав о том, что Света не только покончила с собой, совершив тем самым смертный грех, но и убила своего ребенка.

В дверях бесшумно возник директор. Он скептически посмотрел на труп, живо напомнив Оксане военного, который жил у них на квартире, затем покачал головой:

– Так. Этого следовало ожидать. Вот к чему приводит распущенность и разврат.

У Оксаны свело судорогой живот от ненависти к этому толстому и самодовольному типу, который два дня мучил Свету побоями и нравоучениями и из-за которого она, возможно, и повесилась. Ее руки сами собой потянулись к горлу директора. Вероятно, она была не одна такая, так как директор, обведя взглядом окруживших его девочек, быстро повернулся и вышел из мастерской, на ходу скомандовав:

– Так, сегодня работы не будет, всем отдыхать!

Однако девчонки не торопились уходить из комнаты, потрясенные произошедшим. Вслед за директором, бросив работу, примчались и мальчишки. Многие из них дружили со Светой, и увиденное произвело на них просто шокирующее впечатление.

Прошло не меньше получаса, однако никто так и не ушел из мастерской. Все стояли, переговаривались, сочувствовали Свете и совершенно убитой горем Марине.

Вдруг Оксану кто-то тронул за рукав. Она обернулась. Петро, стоя у нее за спиной, делал ей глазами знак выйти за дверь.

Он провел ее в спальню к девчонкам, куда обычно мальчишкам был вход запрещен. Но сейчас это была единственная пустующая комната – по всему детдому носились воспитательницы.

– Ну?

– Что? – не поняла Оксана.

– Из-за чего?

– Ну..., – она не знала, как заговорить на такую тему с мальчишкой.

– Она была беременна? – напрямую спросил он.

– Да.

– От кого?

- В тюрьме...
- От русских?
- Да. От солдат.
- И что дальше?
- Директор об этом узнал...
- Ну?
- Он ее вызвал к себе, бил, ругал...
- Понятно. Как ты думаешь, что с ним сделать?
- Я не знаю. Я бы его убила.
- Я бы тоже...
- Еще... Петро..., – Оксана снова замялась. Она знала, что лучше всего сказать ему про это, но не могла подобрать слова.
- Ну? Говори, смелее, мы же братья галичане.
- Я еще знаю, что директор... он с некоторыми девочками... ну ты понимаешь...
- Да??? С кем?
- Я не могу тебе сказать... понимаешь, он их силой заставляет.
- Ясно. Так, ты ничего не знаешь, не слышала, этого разговора не было. Все, исчезли.

Петро быстро вышел за дверь, а Оксана села на кровать. У нее колотилось сердце. Она предчувствовала, что своими словами круто изменила линию судьбы, и не только своей.

Еще через полчаса в детдоме появились два милиционера, а их всех загнали в спальни. Оксана сидела и размышляла, что ей сказать милиционерам, если будут спрашивать. С одной стороны, они были русскими, и никакой помощи от них она не желала принимать. С другой стороны, это был шанс уничтожить директора. Оксана уже поняла, что новая власть была скоро на расправу, пусть и не всегда справедливую. Даже со своими.

Однако все ее размышления пропали даром. К ним никто не зашел и ничего не стал спрашивать. Через окно они видели, как тело, завернутое в простыню, засунули в машину и увезли. Следом уехала и милиция.

Ближе к вечеру директор собрал весь детдом на линейку во дворе. Дул холодный ветер, с деревьев летели последние осенние листья. Оксана стояла в одной сорочке, дрожала и слушала монотонный голос директора:

– Этот безобразный случай должен послужить вам всем примером. Это достойный конец той развратной жизни, которую вела эта девочка. Вы все должны помнить, что если вы не образумитесь и не возьметесь за самовоспитание, то вас всех ждет такой же печальный конец.

Директор бубнил и бубнил, а Оксана, держась за руку Ольги, размышляла над тем, как бы ей ухитриться сбежать из детдома. После происшествия со Светой ей тем более не хотелось оставаться тут.

Вернувшись в спальню, она отвела Ольгу в сторону и задала ей волновавший ее вопрос:

– Как ты думаешь, откуда они узнают, в какой деревне живет моя бабушка?

Ольга, с полуслова поняв суть вопроса, задумалась.

– У них вообще-то есть личные дела. Такие папочки, в которых все про тебя написано. Я сама видела, как следователь передавал мою папку этому козлу. Там, наверное, есть все.

– Ага. – Оксана задумалась.

– А где они лежат?

– Я думаю, у директора. Наверное, в каком-нибудь сейфе.

Если попасть в кабинет директора и украсть свою папку – ее никто не сможет найти. Но как туда проникнуть?

В кабинет директору никому не удавалось заходить. Кроме... Оксана искала взглядом Ксению. Правильно, кроме Ксении и Стаси. Они там были и наверняка видели, что и где.

Или... у Оксаны кровь бросилась в голову... или нужно самой оказаться на месте Ксении и Стаси...

Впрочем, можно и просто туда забраться. Есть путь через дверь, есть путь через окно. Окно без решеток...

Оксана поняла, что ей нужен Петро.

Вообще-то вечером путь на второй этаж к мальчикам, был запрещен. Однако туалет мальчиков находился на первом этаже, и это была возможность вызвать нужного человека. Набравшись решимости, Оксана вышла из комнаты, приоткрыла дверь мужского туалета, убедилась, что в нем никого нет, и проскользнула внутрь.

Забившись в угол, она села на корточки и стала ждать. Вдруг ей пришла в голову мысль, что, кроме мальчишек, сюда вполне может за тем же самым зайти и директор, и сторож. Ее продрал мороз по коже от мыслей о том, что она может попасться директору.

Зашуршала дверь. В туалет забежал мальчишка, не заметив Оксану, подбежал к унитазу, спустил штаны и стал мочиться. Оксане стало неудобно и неприятно. Она как-то не очень задумывалась, как это делают мальчишки, и сейчас откровенная картина этого ее шокировала. Однако делать было нечего. Она терпеливо дождалась, когда мальчишка закончит свои дела, и прошептала:

– Эй...

Мальчишка дернулся, обернулся, краска залила его лицо. Оксана приложила палец к губам.

– Тихо. Там директора не видно?

– Нет.

– Скажи, чтобы Петро сюда пришел. Только быстро.

– Ладно.

Томительно тянулись секунды. Оксана сидела и молилась, чтобы никто больше не пришел, и ей не пришлось бы снова пережить этот шок. Наконец забежал запыхавшийся Петро.

– Уф. Привет. Что случилось?

– Понимаешь... я тут подумала. Я хочу уехать к бабушке. В деревню.

– Ну и что?

– Ее адрес есть в моем личном деле. А оно лежит у директора в кабинете.

– Ты чего, ее адрес не знаешь?

– О боже. Если я убегу – меня по нему найдут. Мне надо украсть мое личное дело.

– Ага. Понятно.

Больше всего на свете Оксана боялась, что он скажет: «Это твои дела, тебе надо – ты и кради». Однако Петро немного подумал, потом спросил:

– Как твоя фамилия-то?

– Янкович.

– Хорошо, запомню. Но теперь ты у меня будешь в таком долгу, который не скоро окупишь.

– Я поняла... Петро.

– Все, давай, беги отсюда, а то, не дай бог, заметит кто. Да, и еще... ты одна побежишь?

Оксана задумалась. Она сдружилась с Ольгой, ей было бы очень больно расставаться с ней. С другой стороны, в одиночку было проще скрыться и добраться до деревни, да и бабушке в тяжелое время лишняя нахлебница была не нужна.

Оксана удивилась, насколько цинично она стала рассуждать, и решительно сказала:

– Одна.

– Значит, так. Если придет кто-нибудь от меня – не тяни резину, а быстро делай то, что он скажет. Поняла?

– Да.

– Все.

Прошло два или три дня. Ничего не происходило. Про Свету тоже никто не вспоминал. Директор ходил, как будто ничего не произошло – веселый, наглый. Оксана как-то раз заметила, как Стася опять шла вечером из его комнаты.

Она уже подумала, что Петро забыл про их разговор, как вдруг как-то посреди ночи она проснулась от того, что кто-то трогает ее за руку. Открыв глаза, она увидела над собой чужое лицо. Хотела вскрикнуть, но чья-то рука крепко зажала ей рот. Приглядевшись, она поняла, что это один из мальчишек, с которыми Петро постоянно ходил в город.

Мальчишка знаками показал ей, чтобы она вставала. Тихо, чтобы не скрипнула кровать, Оксана села, закрывшись одеялом – она была в панталонах и лифчике. Мальчишка показал ей, чтобы она выходила, и тихо скрылся за дверью.

Оксана потянулась за платьем, потом поняла, что будет шуршать, когда начнет его одевать. Сунула ноги в тапки, взяла платье, затем задумалась. Если мальчишка сигнализировал ей, что надо бежать – она окажется на холодной ноябрьской улице, в тонком платье, и быстро замерзнет. Курточки, которые им выдали на зиму, находятся в запертой раздевалке. Значит, нужно что-то придумать.

«Господи, грех на мне», – решила наконец она. Взяла в придачу к платью свою блузку, юбку, затем на цыпочках подошла к кровати Стаси. Она помнила, что у Стаси была теплая кофта, которую она чудом сберегла в тюрьме. Пригляделась. Кофта висела на спинке кровати. Оксана тихонько потянула ее на себя. Замерла от какого-то шороха. Вытащила кофту, спрятала ее под блузку, висящую на руке, у двери с трудом нашла в темноте свои босоножки и выскочила в коридор, аккуратно прикрыв за собой дверь.

Пацан уже стоял у дверей мужского туалета, делая ей знаки. Оксана на секунду остановилась, быстро натянула платье, проверила засунутую в лифчик пятерку, еще ту, которую дала ей Света, и шмыгнула в туалет.

Пацан критически осмотрел ее снаряжение, хмыкнул, сунул ей в руки папку. Шепотом сказал:

– Это твое. Лестница стоит на месте, постарайся не попадаться. Сюда не возвращайся. Ни при каких условиях. Без папки тебя не будут сильно искать. Все, счастья тебе.

Оксана кивнула, на секунду остановилась, натянула поверх платья всю одежду, которую прихватила с собой, сменила тапки на босоножки. Кивнула пацану на тапки:

– Поставь на место.

Пацан одобрительно кивнул. Оксана подошла к окну и решительно полезла наружу.

Глава 8. 1940

Я зашла к Але не потому, что соскучилась. Я страшно замерзла. Я всегда думала, что в Львове тепло, даже зимой, но в ту ночь было очень холодно.

Я знала, что мне нужно бежать как можно дальше из города, но не могла ничего сделать.

Аля, которая давно меня не видела, тут же потащила меня в постель, однако я ее остановила:

– Нет. Я сбежала.

– Да ты что? Тебя же будут искать?

– Нет. Все здесь. – я помахала в воздухе папкой.

– Что это?

– Мое личное дело. Тут все про меня. Это, наверное, надо сжечь?

– Ладно, я утром сожгу. Ты останешься у нас?

– М-м-м..., – как я ни любила Алю, но с огорчением поняла, что в ее голосе слышны тревожные и растерянные нотки. Аля явно не хотела, чтобы я подставляла под удар ее и ее семью.

– Нет, конечно. Я пойду..., – я замялась.

– Не надо, не говори, – с полуслова поняла меня Аля. Мне показалась, что она даже обрадовалась тому, что я сказала.

– Аля... у меня к тебе просьба.

– Да?

– У тебя нет какого-нибудь старенького пальто?

– Конечно, я тебе дам. И обувь... – она посмотрела на мои босоножки.

– Да. И обувь.

– Хорошо. Оксана...

– Да?

– Если что – ты не должна говорить о том, что бывала у нас...

– Конечно, Аля...

Я вышла от Али рано утром. Я почти не спала, но разговор у нас тоже не клеился. Всю ночь мы молча лежали рядом друг с другом. Я шла по прекрасным улицам утреннего Львова с странным ощущением неловкости и недосказанности после последней – как я думала – встречи с Алей. Господи, что меня ждет впереди?

До автостанции я дошла пешком. Мне нужно было экономить деньги, да и транспорт в это раннее время ходил плохо. Навстречу мне попались два патруля – один солдатский и один милицкий, однако они не обратили на меня никакого внимания. Я не зря целых полчаса крутилась перед зеркалом, применяя старые вещи Али – я выглядела как типичная и достаточно прилично одетая деревенская девочка.

Автобуса до Бобрков не было, был только до Перемышлян в одиннадцать утра. Я плохо представляла себе географию окрестностей Львова, и в Перемышляны мы с дедушкой ездили только один раз, на телеге. Мне тогда показалось это очень долго – правда, было лето и жарко. Впрочем, для меня было главное – выбраться из Львова, а там уже было проще.

Я купила два пирожка, забилась в угол в шумном зале ожидания автостанции и представила, что на мне шапка-невидимка. Здесь было полно русских солдат и милиционеров, которые периодически проверяли документы, но зато было тепло и можно было затеряться в толпе.

Я чуть не заснула, наевшись и пригревшись у батареи. Станционные часы медленно передвигали стрелки. Вот наконец и время.

Я никогда одна не ездила на загородных автобусах, поэтому не на шутку робела. Впрочем, все обошлось. Старым разбитым драндулетом управлял веселый галичанин, который всю

дорогу пел песни, развлекая немногочисленных пассажиров. Я забила в дальний уголок, надеясь, что меня запомнит как можно меньше людей. Впрочем, к Перемышлянам в автобусе почти никого не осталось.

В Перемышлянах я немного заблудилась. Я была тут только раз, и то лишь на базаре. Я помнила, что мне нужно выйти на дорогу, которая ведет к Бобркам, но где это – я не знала, а спрашивать боялась. К тому же моя слишком грамотная городская речь разительно отличалась от галицийского наречия, на котором говорят в деревнях, что выдавало меня сразу и с головой.

Наконец я увидела девчонку примерно моего возраста, которая воодушевленно гнала заблудившегося гуся, и спросила, не знает ли она дорогу на Бобрки.

Девчонка смерила меня взглядом:

– Ты чего, из города сбежала?

– Нет, просто к бабушке еду.

– Ага, рассказывай сказки. Знаешь сколько вас тут таких бегают. Ладно, иди вот туда, по улице, до края села, а там увидишь, дорога в лес уходит. Только осторожнее, лучше к кому-нибудь подсядь на подводу, а то у нас тут бандиты балуют.

Я не сразу поняла, что под бандитами девчонка подразумевает не русских солдат, а наших, из ОУН.

Дорога действительно оказалась недалеко. Пройдя по небольшому полю, она сразу нырнула в лес. Я поздно вспомнила, что на радостях не спросила у девчонки, сколько идти пешком до Боброк. И ничего не купила в дорогу поесть.

Идти было совсем не страшно. Мифических бандитов, о которых я, живя в городе, ничего не знала, я не боялась, втайне даже надеясь, что в случае чего найду у них своего папу. Было прохладно, по краям дороги и в лесу лежал снег, но идти было тепло.

Часа через два я почувствовала голод и впервые задумалась – а что, если я не дойду до деревни к вечеру? Вдруг придется заночевать в лесу? Я ведь могу и замерзнуть – ночью, особенно за городом, бывает очень холодно.

Не переставая идти, чтобы не замерзнуть, я была отвлечена от своих мыслей странными звуками, раздавшимися сзади. На горку, куда я с трудом поднималась, тащилась лошадка, запряженная в подводу. Управлял лошадей старик, с интересом наблюдавший за мной.

Поравнявшись, он спросил:

– Хей, доня, куда путь держишь?

– В Бобрки, – я решила больше не таиться. – Подвезете?

– Подвезти? Это можно. А если комиссары встретятся – что им говорить будешь?

Я замялась.

– Ладно, садись... Из Львова?

– Да. Только...

– Не скажу, не скажу, не бойся. К кому идешь?

– К бабушке.

– А бабушка у тебя кто?

– Ганка. Янкович. Знаете?

– Хей! Конечно, знаю. Соседи с ней. Ну так бы и говорила сразу. Я помню тебя – прошлым летом приезжала.

Развеселившийся старик полез за пазуху, достал краюху хлеба, разломил и половину отдал мне. С интересом наблюдая за тем, как я жадно ем, спросил:

– В тюрьме небось была? Хотя нет, не худая. В детдоме?

– Да, – я нахмурилась, вспоминая уже какой-то далекий детдом. Интересно все-таки, что там придумали мальчишки. И ищут ли меня уже по всему Львову?

– Да, время-то нынче... не для детей. То стреляют, то сажают. К нам в Бобрки все время приезжают комиссары разные, колхоз какой-то надумали делать, скотину отбирают. Хоть бы кто заступился... – на этих словах старик осторожно покосился на меня.

Я промолчала. У меня чесался язык рассказать словоохотливому деду про папу, маму, все наши беды – но тюрьма и детдом научили меня крепко держать его за зубами.

Старик ехал не торопясь. Сам он был в полушубке, а вот я скоро начала мерзнуть. Заметив это, он кивнул мне на шкуру, лежавшую посреди телеги, и предложил забраться под нее. Вскоре я пригрелась и под мерное укачивание телеги заснула.

Проснувшись я от громкого разговора. Выглянув из-под шкуры, я увидела, что телегу окружили люди в военной форме. У меня упало сердце. Я не сразу сообразила, что форма у них какая-то странная, все мужчины бородатые и говорят на местном наречии, а не по-русски. «Бандиты» – мелькнула в голове мысль.

– А это кто? – весело спросил один из них, увидев меня.

– Девчонка, из Львова, к бабушке в Бобрки пробирается.

– Ага! Девушка, идем с нами? Тебе понравится... – эти слова прервал общий смех.

– Да нет, хлопцы, она еще маленькая, – сказал дед.

– Сейчас маленькая – завтра вырастет, – сказал кто-то из «бандитов».

– А что, смотри какая красавица. Я как раз себе жинку ищу, – сказал другой.

Я испуганно посмотрела на говорившего. Заметив мой взгляд, он засмеялся:

– Ладно, езжай. Я к тебе в Бобрки свататься приеду.

«Бандиты» исчезли мгновенно, как будто их не было. Дед тронулся дальше.

– Кто это был? – спросила я.

– Кто, кто... – дед нахмурился. – Я лучше тебе не буду говорить, сама не маленькая, а то болтнешь что не так...

Вскоре показались Бобрки. Я вдруг сообразила, что на радостях от того, что нашла попутчика, даже не спросила деда, как здоровье бабушки и дедушки. Впрочем, видимо, все было в порядке, иначе он бы об этом сказал.

Первые два дня у бабушки прошли в непрерывных расспросах, слезах и еде. Дедушка расспрашивал, бабушка плакала, а я ела за троих – по несколько раз в день. Потом все успокоилось, и началась обычная, скучная и ленивая, зимняя деревенская жизнь. В деревне было очень мало моих ровесников, да и я старалась не часто показываться на улице, так как все еще опасалась попасться русским. По словам бабушки, русские здесь появлялись последний раз в начале осени, уговаривая местных жителей организовать колхоз. Еще летом им хотели оставить в деревне русского милиционера, но его сразу же убили. Кто это сделал, бабушка не уточняла, но было понятно и так.

О папе ни бабушка, ни дедушка ничего не говорили, а все мои упоминания о нем тут же пресекали. Мне показалось крайне подозрительным то, что бабушка совсем не грустила при упоминании о папе – у меня даже зародилось подозрение, что он иногда здесь бывает. Впрочем, под Рождество подозрение превратилось в уверенность... И началась она с гуся.

То, что перед Рождеством бабушка обязательно печет гуся, я знала с детства. Его аромат, смешанный с запахами печеных яблок, у меня всегда ассоциировался с этим праздником. Однако я с удивлением увидела, что гусей на противне два, а не один.

Перехватив мой взгляд, бабушка сказала:

– Не только у нас праздник, доня. Не только...

Я задумалась. По всему выходило, что или у нас будут гости, или...

Гостей не было. За праздничным столом нас было трое, не считая шикарного серого кота Попилата. Мне капнули домашнего вина, дедушка с бабушкой налили себе горилки. Вдруг на улице раздался негромкий стук. Дедушка вышел за дверь, затем зашел с загадочным

видом... У меня вдруг стукнуло что-то в груди и как будто подбросило с места. Я еще не видела, кто вошел, но уже знала – папа!

Папу было трудно узнать в бородатом человеке с обветренным лицом, в полушубке и с винтовкой за плечами. Вместе с ним в хату зашел еще один человек – молодой парень, одетый в такой же полушубок и с такой же винтовкой. Парень был без бороды, а когда он разделся, я поняла, что он ненамного старше меня. Нас представили. Его звали Дмитрий, ему было лет шестнадцать на вид.

Я визжала и прыгала как маленькая. Мне было стыдно перед незнакомым парнем, но я не могла ничего поделать с собой. Наконец-то я могла спокойно побыть рядом с близким мне и таким дорогим человеком!

Наконец все сели за стол. Дед еще раз проверил плотно задернутые шторы, налил папе горилку и поздравил всех с Рождеством. Я сидела и не сводила глаз с папы. Он сильно изменился, похудел, глаза стали жесткими, но все равно это был мой любимый папа.

Мы поели, потом папа долго расспрашивал о маме и обо мне, обо всем, что произошло за это время. Я заметила, что Дмитрий тоже не сводит с меня глаз, что меня сильно смущало. Заметив это, папа пошутил:

– Не смущайся. У нас там совсем нет женщин, а ты у меня совсем невеста.

Этим он, конечно, совсем вогнал меня в краску. Я даже перестала рассказывать о своих приключениях.

Папа с дедом сели выпить еще по одной, а я задумалась – что будет завтра. Папа наверняка уйдет еще затемно. Возьмет ли он меня с собой? Я не решалась об этом спросить при постороннем.

Папа лег спать в моей комнате, а Дмитрия положили в сенях, укрыв его дохой. Мы болтали до середины ночи – вернее, болтала я, а отец лежал на полу, и, слушая меня, то хмурился, то улыбался, то трогал лежащую рядом винтовку. Я рассказала ему почти все – не решилась рассказать только о том, что видела тогда, в комнате, и то, что делал со мной следователь.

Уже засыпая, я наконец решилась:

– Папа, ты заберешь меня с собой?

– Нет, Оксана. Ты останешься здесь.

– Но почему?

– Пойми, пожалуйста. Там – не курорт. Там война. Там убивают. И там очень тяжело жить. Холодно, голодно, жестоко.

– Это надолго?

– Эх... Если бы я знал. Русские везде. Они захватили все. Может быть, что это навсегда – хотя я верю, что наш народ будет жить свободным.

К моему удивлению, отец с Дмитрием не ушли утром. Я об этом не знала и, проснувшись, вышла как была, в ночной сорочке, в большую комнату, заспанно протирая глаза. Увидела отца и Дмитрия, пьющих чай за столом, и замерла – то ли убежать обратно в комнату, то ли с визгом прыгнуть отцу на шею. Перехватила пытливый, любопытный взгляд Дмитрия – и все-таки вернулась в комнату.

Они не выходили из дома до вечера. Ели, спали, чистили винтовки, болтали со мной. Мы разговорились с Дмитрием. Оказалось, что он из Тернополя, родителей у него расстреляли русские, а он сам успел убежать. Долго скитался, пока не попал в отряд ОУН. Русских он ненавидел люто, у него даже белели губы, когда он говорил о них.

Я рассказала ему о нашем директоре, опустив, конечно, некоторые моменты, и он сказал, что на месте наших мальчишек он убил бы его и сбежал. Именно тогда у меня зародилась смутная мысль о том, как могли получить мое личное дело – но мне почему-то было не до этих мыслей. Мне было страшно интересно болтать с Дмитрием. Мы говорили, говорили, говорили... и к вечеру я с ужасом поняла, что влюбилась. Влюбилась без памяти.

Вечером дед истопил баню, и мужчины пошли мыться. Пока их не было, я лежала у себя в комнате и думала. Я представляла себе, что утром Дмитрий уйдет туда, в лес, и, может быть, его убьют... и все. И я останусь одна. Господи, дай мне сил... Я поняла, что молюсь не за папу, а за Дмитрия – еще вчера незнакомого мне парня...

С этими мыслями я и уснула. А утром их уже не было.

Глава 9. 1941

Половину января Оксана просидела и просмотрела в окно, хотя и понимала, что днем никто из ОУН в деревню не придет. Несколько раз приезжали русские, один раз даже ходили с проверкой по хатам. В тот раз дед спрятал ее в подполье, а затем выкопал из подполья дополнительный лаз, плотно закрывающийся круглой крышкой. Туда могла поместиться только Оксана, и задвижка была так хитро сделана, что, даже тщательно осматривая подполье изнутри, лаз был незаметен.

В середине января отец пришел снова. Он был один, очень грустный, долго сидел и разговаривал с дедом о чем-то наедине. Потом зашел к Оксане. Она сразу забралась к нему на колени, как в детстве, зарылась лицом в отросшую бороду и совсем не хотела слышать те вещи, которые он говорил. Но он их говорил...

– Доня, наши дела идут не очень хорошо. Видимо, нам придется уйти глубоко в леса, на запад, как минимум до лета.

– Да, папа, – Оксана пыталась сдержать слезы, но они полились сами собой.

– Я пытался найти маму, но в декабре их лагерь расформировали, и ее отправили неизвестно куда.

– В Сибирь?

– Не знаю. Надеюсь, что нет.

– Я тебя долго не увижу?

– Да... может быть...

Он не договорил, но она поняла. Может быть, навсегда.

Как будто не было тюрьмы, всех перенесенных ей мучений, как будто она не была взрослой – она просто плакала и плакала, как в далеком детстве. А папа ей говорил на ухо ласковые слова, от которых хотелось плакать еще больше.

Наконец он встал, и она поняла, что все. Сжала зубы, преодолела желание встать на колени и умолять отца остаться. Кажется, он понял. Постоял, подумал, снял часы, протянул ей:

– На. На память. Если что...

Она сначала мотнула головой, потом вдруг поняла, что от мамы и вообще от прежней жизни у нее не осталось совсем ничего, кроме ключа от их квартиры, висевшего теперь на шее как талисман. Протянула руку и взяла папины часы.

Он ушел в ночь, даже не помывшись в бане, зато забрав весь хлеб, горилку и сало. Оксана не спала до утра, проплакав все глаза и обнимаясь с папиными часами. Она вдыхала идущий от них запах, и думала попеременно то о папе, то о Дмитрие – который за это время превратился в ее мыслях из реального человека в какой-то полумифический образ.

А через несколько дней ей пришлось прятаться в лаз. Как она выяснила позже, отряд чекистов искал не ее и даже не папу, а вообще ОУНовцев, однако каждую хату буквально выпотрошили наизнанку. У бабушки разбили несколько крынок, поэтому она долго потом ругалась в адрес русских шепотом такими словами, которые мама всегда запрещала ей даже слушать. Чекисты искали весь день, и весь день Оксана лежала в лазе, на удобной подстилке, сооруженной дедом. Сначала она тряслась от страха, потом успокоилась и заснула, потом проснулась, когда чекисты полезли в подполье, и снова тряслась. А потом она захотела в туалет и долго мучилась, пока наконец дед не стукнулся условным стуком в крышку лаза.

После обыска дед сказал, что ее, похоже, никто не ищет – а потому она может не сильно прятаться, только русским все равно лучше глаза сильно не мозолить. Да и деревенским тоже – хотя в деревне вроде все свои, но некоторые из деревенских уже поговаривают о том, что можно пойти и в колхоз, а раз так – то могут и сообщить о том, что она из Львова. Вообще, вопрос

с колхозом был одной из главных тем разговоров деда с бабушкой, чем они несказанно надоели Оксане. Дед настаивал на том, чтобы убить корову и лошадь, пока их не отобрали, бабушка же плакала при этих словах и называла деда извергом – а поплакав, соглашалась скорее отдать лошадь в ОУН, а корову спрятать в лесу, чем убивать. Правда, ОУН было теперь не найти, даже слухи об их действиях до них не доходили.

Едва начало пригревать солнце, в село приехали какие-то русские в сопровождении нескольких милиционеров. Всех деревенских согнали на центральную площадь. Оксана тоже пошла. Как оказалось, началась запись в колхоз. Сначала один из приезжих долго говорил, забравшись на грузовик, о том, как хорошо будет в колхозе. Оксану удивило, что говорил он на галицийском наречии, и очень хорошо, видимо, был из своих. До сих пор она думала, что никто из местных никогда не пойдет на работу к русским, но тут поняла, что ошибалась. Потом его сменил другой, который говорил уже на чисто украинском языке, слишком правильно, чтобы быть украинцем. Говорил о том, что кто не пойдет в колхоз – тот может считать себя врагом, и народ с ними долго церемониться не станет. На этих словах хлопцев, стоявший за спиной Оксаны, сплюнул и прошептал:

– Ну доживи до ночи, гад.

Оксане стало почему-то смешно – она обернулась, встретилась с хлопцем глазами, и они оба чуть не расхохотались от глупости русских.

Тем не менее запись в колхоз началась – к удивлению Оксаны, записалась почти четверть собравшихся. Потом, лежа в постели и вполуха слушая привычные споры деда с бабкой, она подумала, что многие, вероятно, просто испугались.

Несмотря на угрозы, приехавших ночью не убили и не пожгли – наверное, потому, что они ночевали в доме старосты, дядьки Грицько, уважаемого и очень мирного человека.

Через неделю приехал председатель колхоза – одетый как чекист, хотя и украинец, но не местный, откуда-то с востока. Он тоже поселился у старосты, пока колхозники строили два дома – один для председателя, а второй для правления колхоза. А еще через неделю дед плюнул, собрался и в ночь увел лошадь в лес. Корову не повели – она ждала теленка.

Оксана долго думала, куда он мог увести скотину, и не придумала ничего лучше, чем дальний хутор за болотом, куда они с отцом ходили года два назад и где отец с дедом косили сено. Там уже давно никто не жил, но место было красивое и удобное, хотя и окруженное со всех сторон болотом. Ее беспокоило, чем будет питаться корова, если ее тоже туда увести, да и для умной лошади, несмотря на раннюю весну, корма еще маловато.

Она порой удивлялась сама себе, как быстро вжилась в деревенскую жизнь, прониклась местными заботами, и совсем забыла про город. Хотя иногда, украдкой, она представляла себе прошлое – красивых маму и папу, музыку, гостей, танцы...

На центральной площади повесили репродуктор, и теперь он целый день орал – то какие-то речи на русском языке, которые Оксана даже не слушала, то песни. Среди них были и очень красивые, и иногда Оксана подолгу стояла во дворе, тихонько подпевая. Пальцы просились играть, хотя она и боялась, что все забыла за это время.

Вскоре председатель колхоза начал ходить по хатам и уговаривать всех остальных вступить в колхоз. Он ходил сначала один, но как-то раз в полумраке, выйдя из одного двора, получил оглоблей по голове, после чего всегда был в сопровождении двух крепких колхозников. Впрочем, до их дома он так и не дошел.

Оксана проснулась посреди ночи от отсветов на потолке. Вскочила, схватилась за заколотившееся сердце, путаясь в ночнушке, подбежала к окну. Со стороны площади виднелось зарево. Она кинулась было одеваться, но ее перехватил дед:

– Стой, куда побегла. Чего там смотреть-то, и так все понятно – колхоз пожгли.

Судя по спокойствию деда, он знал, что этим все и кончится.

Утром у пожарища собралась вся деревня. Сгорел дом председателя и правление, стоявшие рядом. Видимо, подожгли их одновременно, так как сгорели они до тла – правда, как рассказали Оксане деревенские девчонки, видевшие пожар, сами дома никто и не тушил, только следили, чтобы не занялись соседние хаты.

Председатель лежал на крыльце своего дома, обгорелый, с руками, прижатыми к груди. О том, что это был председатель, можно было догадаться только по остаткам сапог, кирзовых, которые местные никогда не носили. Все остальное представляло собой черную обгорелую массу. Сначала Оксана не поняла, как он не сгорел совсем, но соседская девчонка, годом старше, ей рассказала, что председатель выбежал на крыльцо, и в него выстрелили. Оттаскивать от пожарища его, конечно, никто и не подумал. Смотреть на обгорелый труп было страшно до тошноты, но Оксана никак не могла оторвать взгляд от того, что еще вчера было живым человеком, который ходил, говорил и пугал деревенских... Это зрелище еще долго стояло у нее перед глазами.

Постепенно толпа разошлась, а вскоре приехал отряд чекистов из Львова. Часть из них начала рассматривать место пожара, а остальные пошли по дворам. Дворов в Бобрках было много, поэтому до деда они дошли только к вечеру.

На всякий случай дед отправил Оксану в лаз, и, видимо, не ошибся. Когда она через два часа вылезла оттуда, то увидела, что в подвале опять все перевернуло, а дед бледен и молчалив. Несмотря на все расспросы, ни дед, ни бабушка ничего не сказали, и Оксана предположила, что чекисты могли искать ее.

Ночью она лежала и думала, как решить эту жизненную дилемму. С уходом ОУН деваться ей было некуда, но оставаться в Бобрках – означало подвергать риску бабушку и деда. К тому же, хотя на дворе и была весна, но по ночам еще было холодно, и она боялась просто замерзнуть в лесу.

Правда, она могла уйти на дальний хутор, к лошадке, но жить там одна она бы просто побоялась, да и вряд ли ей это разрешили.

Утром чекисты уехали, арестовав нескольких молодых мужчин. Как говорили, у них нашли оружие, и их теперь ждет расстрел. Вся деревня была напугана, женщины плакали, даже если несчастье не задело их семьи. Оксана тоже поплакала – мужчин было жалко, еще больше было жалко их детей.

После этого чекисты приезжали еще раз. Они больше не проходили по всем домам, а целенаправленно арестовали еще нескольких человек. Оксана не стала прятаться в лаз, где ей было тесно и скучно, а смешалась с толпой на площади и смотрела на происходящее. Как сказали женщины в толпе, видимо, кто-то из тех, кого арестовали раньше, не выдержал пыток и сдал тех, кто поджег дома и убил председателя.

На этот раз не обошлось без стрельбы. Она слышалась совсем неподалеку от центральной площади, от дома, куда направились чекисты. Отстреливался молодой парень, который залег на сеновале и был практически не виден чекистам. С первых же выстрелов он положил сразу троих, после чего чекисты попрятались и тоже открыли стрельбу.

С первыми выстрелами толпа разбежалась в разные стороны. Оксане было интересно, и она увязалась за двумя местными мальчишками, которые, как она услышала из их криков, рванули посмотреть на перестрелку поближе. Впрочем, близко им подойти не удалось – первый же чекист, лежавший в придорожной канаве, рявкнул на них так, что они кубарем посыпались под ближайший плетень. Однако и оттуда было все неплохо видно.

Было тихо, все как всегда, только не было вездесущих собак, которые мгновенно куда-то исчезли. Чекисты лежали не шевелясь, стоило любому из них приподнять голову, как с сеновала раздавался выстрел. В ответ чекисты делали тоже несколько выстрелов, и все опять замирало.

Во время одной из пауз чекист, лежавший недалеко от них, попробовал подбежать поближе. Он бежал вдоль улицы зигзагом, чтобы было труднее целиться – однако в него никто и не стрелял. Потом, когда он был совсем близко, раздался одиночный выстрел, и чекист упал на спину. Упал и больше не шевелился. Вокруг него в уличной пыли начало расплываться темное пятно.

– Попал, – радостно прошептал один из мальчишек. Оксану замутило. Она уже не хотела смотреть, но бежать назад не рискнула.

Кончилось все быстро. Видимо, кто-то из чекистов подобрался сзади и поджег сеновал. Вспыхнул он мгновенно. Стрелявший парень спрыгнул вниз, держа винтовку в руке, и тут же вокруг защелкали выстрелы. Больше он не поднимался. Мальчишки побежали смотреть, а Оксана, вытирая слезы, пошла домой.

Ей крепко попало от бабушки, которая обычно души в ней не чаяла. Бабушку можно было понять – как только началась стрельба, с улиц все исчезли, а Оксаны все не было.

Неприятности на этом не закончились. Через неделю приехал новый председатель, с виду рабочий, тоже откуда-то с востока. Он собрал сход, на котором сказал, что кто не пойдет в колхоз – может собираться в Сибирь.

Сибирь оказалась не шуткой. Первым делом отправили семьи арестованных мужиков. Из Львова снова приехал отряд чекистов, людям дали на сборы два часа, после чего погрузили на подводы и повезли – но не во Львов, а на ближайший полустанок. Сразу после этого народ дружно потянулся в дом к старосте, где поселился новый председатель.

Собрался и дед. Долго кряхтел, курил, вздыхал. Потом взял корову за кольцо и, провожаемый причитаниями бабушки, пошел прочь. Вернулся через час, без коровы, грустный, выпил горилки, перекрестился и сказал:

– Слава Богу, про лошадь не спросили.

Глава 10. 1941

Деда забрали чекисты. Я не успела спрятаться в лаз и сидела тихонько в чулане, а они все спрашивали у него, куда он девал лошадь, называли куркулем и обещали сослать вместе с бабушкой в Сибирь. Бабушка плакала.

Потом они посадили его в машину и увезли. Вместе с другими мужиками, которые тоже угнали свой скот на дальние хутора. Интересно, что никто не сдал чекистам, где они находятся. Наверное, все понимают, что в Бобрках потом не жить.

Мы с бабушкой остались совсем одни. Она теперь тоже состояла в колхозе и ходила каждое утро ухаживать за коровами, а на мне осталось все домашнее хозяйство. Конечно, теперь оно уже не было таким уж большим – двух свиней и кур тоже забрали в колхоз, остался один поросенок и несколько гусей. Но мне с непривычки с ними тоже хватало забот.

Зато потом, днем, можно было забраться в кусты, раздеться и поваляться на солнышке. И ни о чем, совсем ни о чем не думать.

Правда, не думать никак не получалось. Все время представлялась мама, работающая на каторге – такую каторгу я видела в книжке на картинках. Там бородатые мужики с какими-то гириями на ногах таскали тяжелые камни. Представить в такой роли маму мне никак не удалось, но все равно хотелось все время плакать из жалости к ней.

Зато про папу думалось всегда хорошо. Я представляла, что он придет со своим отрядом, победит русских и всех освободит. И настанет добрая прежняя жизнь.

Мысли о Дмитрии у меня как-то странно преобразовались, и я представляла теперь не его, а какого-то светлого и солнечного мальчика, и когда я его видела, то внутри становилось очень тепло и хорошо.

А вечерами мы сидели с бабушкой на веранде и пили чай. Бабушка уставала в колхозе очень сильно, но говорила, что Бог все видит и накажет краснопузых, это она так русских называла, какой-нибудь холерой. Только вот дни шли за днями, а Бог никак их не наказывал...

Несколько раз я ходила на дальний хутор, смотреть, как там наша лошадь. Она была не одна – некоторые соседи тоже привели туда своих лошадей, поэтому одна я ходила только раз. Потом у нас подобралась хорошая компания из нескольких мальчишек и девчонок, и нашей главной задачей было выбраться из Боброк поодиночке и незаметно – а потом, в лесу, на узкой проселочной дороге, мы уже шли кучей, веселясь и не боясь никого.

Русские опасались соваться в лес, хотя все знали, что ОУН ушел. Правда, иногда русские проводили облавы, неизвестно на кого, и тогда издали слышались выстрелы и лай собак. Но это было в другой стороне от дальних хуторов, и мы ничего не боялись.

Деревенские знали меня с детства и принимали в свою компанию, но все равно немного сторонились – да и я сама как-то стала замечать, что их простые игры и разговоры о всяких деревенских событиях интересуют меня все меньше. Говорить с ними о музыке или о картинах было невозможно, хотя они все были грамотные. В Бобрках была школа, но после прихода русских в ней стало еще хуже, чем во Львове. Половину учителей арестовали, кто-то уехал в Германию, а язык новых учителей деревенские ребята вообще не понимали. Поэтому в школу в тот год мало кто ходил.

А меня вообще в школу никто не посылал, да я и сама бы не пошла. В свою я еще, может, и вернулась бы, а сидеть в одном классе с деревенскими и смотреть, как они стараются сделать то, что мне дается легко и сразу – увольте. С мальчишками еще можно было побегать и поиграть в лесу, но вот учиться – нет.

Эх. Как-то там мои любимые подруги. Они уже обогнали меня на целый класс, пускай и в русской школе. Сейчас, наверное, ходят нарядные, в новой форме – из-за забора детдома мы видели, какая форма теперь в городских школах. У нас такая раньше была у гувернанток.

У меня вдруг появилась безумная идея позвать Алю и Кристину на свой день рождения. Правда, непонятно, как подать им весточку, и как они будут добираться. Ладно, до Перемышлян ходит автобус, но оттуда еще пятнадцать километров... Эх, наверное, придется оставить эту идею – а как было бы здорово прогуляться с ними по центральной улице, под ручку, под взглядами деревенских...

А может... правда, бабушка расстроится, но ей можно сказать, что я ушла с ночевой на дальние хутора. Один раз я так уже ходила, правда, мне страшно не понравилось спать в колючем сене. Кого только уговорить довезти до Перемышлян – а так и деньги еще остались, и ехать до Львова на автобусе всего час.

А еще было бы здорово, чтобы все оказалось как в сказке. Чтобы во Львове вдруг не стало русских, а дома ждала мама и папа... и все было бы как прежде.

Однако к поездке надо было подготовиться. Старое платье, в котором я сбежала из детства, не годилось – оно совсем поизносилось. Бабушка не покупала ничего из одежды – считала, что мне еще рано красоваться, и только перешила мне одно платье из своего старого, правда, совсем в хорошем состоянии. Я в этом платье была какая-то очень взрослая и потому не любила его надевать, хотя бабушка иногда и заставляла.

Пришлось полюбить. Оставшиеся полмесяца до дня рождения я его так и не снимала. Как надела на 1 мая, на праздник, который председатель колхоза сказал проводить вместо Пасхи, так практически все время в нем и ходила, несмотря на то, что уже было тепло и можно было вообще бегать в тонком ситце.

Желательно было бы еще раздобыть денег, однако с этим был вообще полный караул. У деревенских детей была какая-то мелочь, в основном старые польские деньги, которыми они играли в пристенок и которые не имели никакой ценности. У взрослых, включая бабушку, выпрашивать было бесполезно – только насторожишь.

Но до дня рождения я так ничего и не придумала. Да и какой тут, в общем-то, день рождения, в деревне – все равно после того, как забрали деда, ни веселья, ни особой еды в доме не стало. Пару раз бабушка ездила во Львов, узнавала, когда выпустят деда, но ей сказали, что следствие еще даже не началось, и чтобы она не ездила и не мешала, а то и ее посадят. Так что выпила она за мое здоровье рюмку горилки, а мне налила такую здоровую стопку вина, что меня сразу повело. На этот день рождения и кончился, разве что курочку сварили – но мне, если честно, было больше жалко курочку. Неприятно это как-то, когда живое существо вот так бегае-бегает по двору, кудахчет, а потом ты его ешь...

Решимости сказать бабушку про «хутора» я набралась только через день. Да оно и к лучшему – как раз суббота. И ребята действительно собрались на хутора – только позднее, чем собиралась я. Ребятам я заранее сказала, что не пойду, засунула выданную мне чекистами бумажку наподобие документа вместе с деньгами в лифчик и задами выбралась на дорогу.

Было рано, и попутчики не заставили себя долго ждать – в Бобрках не было своего базара, поэтому все ездили в Перемышляны. Главное – было не попасться к близким соседям, иначе уже вечером обо всем рассказали бы бабушке. И так уже риск был велик, что она все узнает и расстроится.

В этот раз мне, однако, повезло – во-первых, первой попалась машина, а не медленная телега, а во-вторых, она ехала прямо во Львов. Правда, когда машина остановилась, я здорово испугалась – там сидели русские военные: офицер с водителем в кабине и с десятков солдат с винтовками в кабине. Однако деваться было некуда – офицер спросил, куда я еду, кивнул назад, солдаты подхватили меня за руки и выдернули вверх, как морковку.

Я села с краешку, чтобы выпрыгнуть из машины, если что. Солдаты были веселые и совсем не страшные, а наоборот – нормальные молоденькие хлопцы, все как один белобрысые. Они здорово отличались от чекистов – тем, что все время шутили, улыбались и постоянно что-то спрашивали у меня. Говорили они всякую ерунду, но мне все равно было весело. Парень

рядом со мной все время выяснял, есть ли у меня жених, а потом спросил, сколько мне лет, и ужасно огорчился, что так мало. Хотя, по-моему, он мне так и не поверил, и долго рассказывал, что через месяц заканчивает служить и едет домой, в Москву. И хорошо было бы, чтобы вернулся с такой красавицей, как я.

Недалеко от Львова пришлось объезжать большую дорожную стройку, огороженную забором. Из кузова было видно, что дорогу строят люди в одинаковой черной одежде, а по краям забора стоят вышки с часowymi. Я внутренне сжалась – там могли быть и мама, и папа...

После стройки машина выбралась на новую, хорошо асфальтированную дорогу. Ехали быстро, хотя солдаты направлялись не в центр, а куда-то на окраину, где у них была воинская часть. Они высадили меня перед воротами, дружно помахали руками и заехали во двор, а я осталась стоять посреди улицы в совсем незнакомом районе.

Пришлось спрашивать, хотя и терпеть не могу это делать. Сначала какая-то девица ответила по-русски «не понимаю», потом тетка долго выясняла, куда мне надо, но так ничего толком и не объяснила, и только с третьего раза дядечка показал, где трамвай.

Надо же, как я соскучилась по старому доброму львовскому трамваю, который раньше проклинала за его медлительность и скрипучесть. Сколько надо платить по-новому за проезд, я не знала и дала кондукторше рубль, и всю дорогу потом ехала с кучей мелочи в руке, не зная, куда ее девать. Не вытаскивать же платок с завязанной мелочью у всех на глазах из-за пазухи. Так чуть свою остановку не проехала.

Боже, как изменился Львов... Всюду русская речь, русские вывески, много солдат и военных машин. С замиранием сердца я подошла к родному дому, посмотрела на балкон. На балконе сушились какие-то трусы, майки, носки... Видела бы это бабушка, которая всегда радовалась тому, что балкон выходит на улицу, и запрещала что-либо вешать туда, чтобы, как она говорила, «не портить лицо города».

Как под гипнозом, я зашла в подъезд, поднялась наверх, подошла к двери. Уже совсем потянула из-за ворота ключ, потом остановилась, замерла. Прислушалась. В квартире раздавался мерзкий женский голос и бубнение – видимо, офицерской жене отвечал ее выродок. Эх, мне бы сейчас тот пистолет, который я видела у папы... честное слово, рука бы совсем не дрогнула пристрелить обоих...

Я опомнилась и спустилась вниз, во двор. Знакомых никого не было, да и рано было для знакомых – большинство наверняка еще спали. Я медленно пошла к дому Кристины.

Все-таки жизнь меня ничему не научила. Ну был же у Крис телефон, и автоматы на улице попадались. Что стоило ей сначала позвонить – нет, поперлась сразу.

На звонок дверь открыл какой-то русский. Открыл сразу, не спрашивая. Внимательно на меня посмотрел:

- Тебе кого, девочка?
- Ой... мне Кристину... а Гревски здесь живут?
- Хм... ну-ка, зайди.

Мне бы тут дернуть вниз по лестнице – а я, как дура, шагнула за порог, и за мной захлопнулась дверь. Мужик был в майке и солдатских штанах. Он стоял напротив меня и выжидающе смотрел:

- Ты полька?
- Галичанка.
- Нет такой национальности. Украинка, значит. Как фамилия?
- Дяденька, можно, я пойду?
- Нет.

Я на секунду задумалась. Если меня искали, то свою фамилию называть было нельзя. Медлить и раздумывать – тоже. Я вспомнила фамилию покойной бабушки:

- Зойчук. Анна Зойчук.
- Откуда знаешь Кристину?
- Учились вместе.
- И?
- Что?
- Долго учились-то?
- Ну, до прошлого года...

Все это время я мучительно соображала, что если за время моего отсутствия с Крис что-то случилось, то это означает, что меня не было в городе. Где же я была? Черт возьми, ну где?

– А потом мы с мамой уехали... в Могилев.

– А-а-а... понятно, – мужик задумался. Внимательно осмотрел меня с ног до головы, его глаза задержались на моей руке.

– Ну-ка, покажи. Это что у тебя?

– Часы..., – я чуть не добавила «папины», но осеклась.

– Не очень дорогие часы для такой девочки?

– Я... мне мама дала. Чтобы я... вовремя домой пришла.

– Да? Смотри, зря ты в них ходишь. Тут, во Львове, столько бандитов, а часы золотые.

Отберут и не пожалеют.

Я согласно кивнула.

– В общем, дуй отсюда. И больше не появляйся. Теперь я здесь живу.

– А Кристина..., – тупо спросила я.

– А Кристины твоей больше здесь нет. И не будет. Все, до свидания, – мужик открыл дверь и дал мне легкого пинка.

Я выскочила на улицу и только тут поняла, что все могло обернуться гораздо хуже. Мужик точно был военным, и ему ничего не стоило вызвать чекистов – так, на всякий случай. И я бы влипла.

Теперь я была осторожнее, и дом Али сначала осмотрела снаружи. Вроде все было в порядке, вон и ее платье болтается на веревке. А вот и сама Аля – скользнула по мне взглядом, отвернулась, потом замерла, завизжала на всю улицу и кинулась обниматься.

Все-таки смешно. Мы становимся все взрослее, а встречаемся, как тогда, когда нам было пять лет.

Конечно же, после объятий с ее родителями, мы заперлись у нее в спальне и болтали до вечера. Аля не знала точно, куда увезли Кристину – она знала только, что ее отца арестовали как польского шпиона. Вместе с ним исчезли и Кристина с мамой. Аля опасалась, что Крис отправят в лагерь – наслушавшись моих рассказов, она теперь верила во все. Я тоже.

Мы проболтали очень долго, периодически вспоминая старую жизнь и заливаясь слезами. Потом ее мама, тетя Ракель, позвала нас обедать, и мне стало стыдно, что я ничего не привезла с собой. Конечно, в деревне мы тоже жили впроголодь, но все равно это было лучше, чем в городе. Черт возьми, я же могла взять хотя бы яйца или хлеб...

Мы похлебали жидкий супчик, а потом я вспомнила о деле, которое нужно было бы сделать сегодня. Я выпросила у Али кожаный мешочек, пообещала вернуться через час, и выскочила на улицу.

Я очень давно не гуляла по улицам Львова. Мне все казалось непривычным – и наряженные люди, и витрины магазинов, и многочисленные автомобили. А ведь еще недавно это был мой мир...

Я долго думала, где это сделать. Больше всего подходил Доминиканский костел, где в детстве мы прятали всякие штучки, но меня неудержимо тянуло совсем в другое место.

Могилу бабушки я нашла сразу – по приметному каштану. Постояла, на всякий случай оглянулась в странном ощущении, что сейчас сюда придет папа. Присела рядом, выкопала ямку, положила часы и ключ от квартиры в мешочек и закопала.

Вот и все. Придет время – выкопаю и надену. Когда оно только придет... Вернее, если...

На обратной дороге я задумалась, как мне остаться ночевать у Али. Вообще-то я рассчитывала ночевать у Крис, особенно после последнего странного расставания с Алей. И Аля, и ее родители точно боятся, что меня найдут и них, и на них из-за этого свалятся проблемы. Странно. Если бы Аля оказалась в такой ситуации, мы с мамой точно помогли бы ей всем, чем могли.

Но делать было нечего. Ехать обратно в Бобрки? Наверное, да. Но надо сначала попрощаться с Алей. Надо. А потом – на автостанцию, и на автобус до Перемышлян.

И тут я увидела его.

Глава 11. 1941

Толстый мальчишка шел навстречу Оксане, тарахтя палкой по забору. Она узнала его сразу, а он, увлеченный своей дурацкой забавой, совсем не смотрел по сторонам.

Она бросилась на него сразу, не раздумывая. Пнула со всей силы ногой в живот и вцепилась ногтями в лицо, целясь в глаза. Она не знала, что с ней происходит – просто в голове тяжело затокало и в глазах появился красный туман.

Мальчишка, хотя и был, наверное, вдвое тяжелее ее, рухнул на землю и съежился под ее ударами. Она яростно колотила его по голове и плакала от ненависти.

Нравное, если бы она подумала, то просто взяла бы камень побольше и молча стукнула бы его по голове, а не привлекала бы внимание на пустынной, но все же улице. Впрочем, до этого дело тоже дошло – увидев, что мальчишка пришел в себя, узнал ее и собирается сопротивляться, она оглянулась в поисках подходящего предмета, увидела палку, которую выронил мальчишка, и схватила ее в руки. Вскочив, она замахнулась, мальчишка в ужасе зажмурился и выставил вперед руки. Удар пришелся по локтю, рука мальчишки сразу безвольно повисла, а в ее ушах застрял его визг. Она замахнулась снова, целясь в голову – и тут ее руку кто-то перехватил.

В милиции она посмотрела в стекло, проходя мимо дежурного. Все ее лицо было в крови, и она злорадно улыбнулась своему отражению. Мальчишку в милицию не привели, и она надеялась, что хорошо его уделала. Жаль, что мало.

Она начала придумывать, что будет говорить, но ничего изобретать не пришлось. Не успела она оглядеться в пустой камере, куда ее втокнули, как туда же зашли две женщины в русской милицейской форме и без особых церемоний приказали ей раздеться. Догола.

Милицейская тетка повертела в руках ее бумажку, небрежно засунула в свой карман деньги, сказала раскрыть рот и заглянула туда. Потом сказала:

– Одевайся. И пошли.

Она провела Оксану в кабинет, посадила перед собой за стол.

– Фамилия, имя, отчество.

– Янкович Оксана Георгиевна.

– Год рождения.

– Двадцать седьмой.

– Место рождения.

– Львов.

– За что напала на молодого человека?

– Просто... поспорились.

– Знакомы?

– М-м-м... да.

– Знакомы или нет?

– Да.

– Давно?

– Год.

– Год? – тетка заглянула в ее бумажку. – Год назад ты кормила вшей в камере управления НКВД.

– Полтора года.

– А в НКВД за что попала?

– Н-н-ни за что.

– Понятно. Руки за спину.

Оксана завела руки за спину, и тетка ловко связала их сзади, прикрутив к спинке стула. Потом вышла.

Оксана завертела головой. Решеток на окнах не было, первый этаж, и если разбить окно... но бегать со стулом за спиной было бы нелепо. Перерезать веревки? Чем?.

Пока она думала, тетка вернулась.

– Так. У мальчика – перелом руки и сотрясение мозга. А это – покушение на убийство. Но это – не главное. А главное – то, что он сын командира части. И это уже дело политическое. Так что, родная, сидеть ты будешь лет пятнадцать. В Сибири.

У Оксаны все сжалось внутри, однако слез не было. Только ненависть. Минут через десять пришел солдат, ее отвязали от стула и повели в машину.

В уже знакомом управлении НКВД на Смольках Оксану сразу бросили в общую камеру. Впрочем, столько народу, как в первый раз, здесь уже не было – вполне хватало места и сидеть, и лежать. В камере было человек десять, из них, насколько успела увидеть Оксана, только две девочки ее возраста, остальные взрослые. Посреди камеры на полу сидела какая-то старуха с седыми космами, которая что-то бормотала про себя, подвывая.

Зайдя в камеру, Оксана вежливо сказала:

– Здравствуйте.

В ответ услышала молчание, только девушка подвинулась на нарах, освободив ей немного места.

– Не били еще? – спросил кто-то из угла?

– Нет, – сказала Оксана. – Пока. Не били.

– Значит, будут.

Оксана согласно кивнула головой. Уж в этом-то она не сомневалась – после сегодняшнего поступка чекисты на ней отыграются наверняка. Особенно если отец ублюдка в городе. Она легла на нары и задумалась, глядя вверх. Любопытная тетка не отставала:

– За что?

– Так... пацана одного избил.

– Ты? Пацана? – народ с любопытством посмотрел на нее, и она увидела – лица с кровоподтеками, заплавленными глазами, выбитыми зубами.

– Да.

– А родители?

– Я... я одна.

– Всех уже взяли, что ли?

– Д-да, – Оксана сочла за лучшее сказать неправду.

– Тяжело тебе придется...

Оксана опять согласно кивнула головой. Приставучая тетка ей порядком надоела.

Ее не трогали до вечера. Она с отвращением съела успевшую стать непривычной вечернюю баланду, понимая, что надо беречь силы. У нее из головы не выходило ее неправильное поведение – надо было стукнуть пацана по голове камнем и убегать. А так – сама виновата, что впала в истерику и попалась.

Поздним вечером, когда она думала, что сегодня ничего не будет, засов лязгнул.

– Янкович, на выход.

Оксана вздрогнула, внутренне съежилась и встала. Ноги подгибались от страха. За дверью ждал обычный мальчишка, только в форме, ненамного старше ее, чем-то напомнивший ее попутчиков по дороге во Львов. В руках его была винтовка. Оксана привычно заложила руки за спину и пошла вперед.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.